

# Девушка с серебряной кровью

**Автор:**

Татьяна Корсакова

Девушка с серебряной кровью

Татьяна Владимировна Корсакова

Тайна старого поместья #1

Граф Федор Шумилин вмешался в политику по глупости, и это обошлось ему слишком дорого: он был осужден и приговорен к каторжным работам. Но судьба спасла Федора от верной смерти и привела на остров к Айви. У нее странное имя и еще более странный дар, передающийся в ее роду по женской линии. Она способна спускаться в Нижний мир и умирять хозяина озера, взимающего с людей кровавые жертвы. Вот только легко ли быть носителем серебряной крови? И кто же Айви – хозяйка или жертва?.. Но Федору уже безразлично: он знает, что именно эта девушка – его единственная любовь.

Татьяна Корсакова

Девушка с серебряной кровью

© Корсакова Т., 2016

© Гержедович Я., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

\* \* \*

Солнце катилось по выбеленному небу огненным шаром, брызгало жаром, от которого не спасали даже вековые сосны, выпаривало из задубевшей кожи остатки влаги, сжигало. И внутри у Федора тоже было солнце, такое же беспощадное, как и то, что на небе. Иногда ему казалось, что он сам и есть солнце, но остатки сознания, те крохи, которые еще позволяли ему не рассыпаться прахом, шептали – это не солнце, это жар. А еще голод и жажда...

Сколько дней он блуждает по лесу? Федор не знал. Сначала пытался вести счет, но очень скоро сбился, и теперь ему казалось, что прошла целая вечность. Его кожа пошла трещинами и сочилась сукровицей, на которую слетался гнус. Он облеплял Федора черной мантией, забивался в глаза, ел поедом. Все мысли были о воде. Холодной. Нет, ледяной! Чтобы нырнуть в нее с головой и пить, пить...

Воды не было. Ни реки, ни ручья, ни дождя. А напиться вдосталь росой не получалось, как не получалось наесться незнакомыми, кислыми до оскомины ягодами, которые иногда попадались на пути. О мясе Федор даже не мечтал. В этом враждебном мире он был чужаком, не охотником, но жертвой. То, что он до сих пор жив, казалось чудом. Вот только верить в чудеса уже не получалось.

А ведь когда-то он верил!

Дурак, безнадежный идеалист... И куда привела его эта вера? На каторгу?..

Он не желал дурного ни своему народу, ни своему отечеству. Наоборот, он думал, что все можно изменить мирным путем, без крови. Он, потомственный дворянин, верил, что миру пришла пора меняться. Нужна лишь самая малость. Нужно лишь дать народу то, что его по праву, проникнуться его страданиями, прислушаться к его стонам.

Так говорила Сашенька Эпштейн, черноглазая, коротко стриженная, стремительная. Сашенька курила сигареты, смотрела на Федора с насмешливо-нисходительным прищуром и неизменно называла графом Шумилиным. А ему хотелось, чтобы Феденькой. Но эти мечты были глупыми и никоим образом не касались отчизны и народа, поэтому Федор злился на себя, а Сашеньке дерзил. Мало было чести в такой дерзости, и он тут же краснел и терялся, вел себя как безусый юнец. В свои-то почти двадцать два года.

И когда он уже почти отчаялся обрести душевный покой, Сашенька сказала:

– Федя, а приходите на собрание! Обещаю, будет очень интересно. – И посмотрела не так, как раньше, насмешливо, а очень серьезно. Глазищами своими черными прожгла дыру в его бедном сердце.

Федор пришел, на крыльях прилетел в глухой, неприметный переулок. Когда он подавал сигнал условным стуком, сердце его билось в унисон, грозило выскочить из груди. Сашенька встретила его лично, протянула руку для рукопожатия, а он, дурак, поцеловал тонкие пальчики с коротко обрезанными ноготками. Поцеловал и тут же смутился, потому что всякие реверансы и этикетки – это буржуазность и пережиток. Сашенька не раз об этом говорила. А она рассмеялась, потрепала по щеке, поманила за собой в просторную, скудно освещенную комнату, полную незнакомых людей. Эти люди не были похожи ни на самого Федора, ни на Сашеньку. И даже с народом, о котором они все радели, у них не замечалось ничего общего. Они напоминали бандитов с большой дороги – матерые, с волчьими взглядами. Некоторые из них были вооружены, и Федор вдруг испугался.

Всеобщее благоденствие и путь, который непременно к благоденствию приведет, виделись ему иначе – светлее и радостнее. Они не смердели табаком и прокисшим потом, не прятались в комнатах с плотно занавешенными окнами. Наверное, Федор ушел бы, если бы Сашенька не взяла его за руку и не улыбнулась бы ободряюще. Сашенька нисколько не боялась этих мрачных людей, и он не станет бояться!

Его приняли как равного, налили стопку, предложили сигарету. И Федор впервые в жизни закурил. Он опрокинул в себя стопку, а потом курил, вдыхал вонючий дым и думал лишь о том, чтобы не закашляться, не показаться неопытным щенком перед этими матерыми волчищами. Ему думалось, что все в комнате смотрят только на него, что он вот прямо сейчас сдает какой-то очень важный экзамен, проходит посвящение, о котором его не предупредили заранее.

Наверное, он справился, потому что, когда сигарета наконец догорела, на него уже никто не смотрел, а смотрели все на разложенную на круглом столе карту и о чем-то яростно, но вполголоса спорили. Федор подался было к столу, но то ли от выпитой стопки, то ли от выкуренной сигареты голова вдруг закружилась, а к горлу подкатила тошнота. От двери его отделяло всего два шага, и он не вышел,

а практически вывалился в ее черный проем, прижался взмокшей спиной к стене, задышал часто-часто, по-собачьи.

Воздух в коридоре пах плесенью, гнилой картошкой и еще какой-то неведомой дрянью. Захотелось на улицу или хотя бы к окну. И Федор побрел по темному коридору, выставив перед собой руки, ощупывая шершавую стену, чтобы не расшибиться. Стена закончилась еще одной дверью, не запертой, а лишь чуть прикрытой.

В этой комнате окно не было занавешено, и сквозь мутное стекло просачивался лунный свет. В самом центре, прямо на полу, стоял деревянный ящик. Можно было уйти, не трогать занозистую крышку, не совать нос в чужие опасные тайны, но Федор не смог уйти.

В ящике лежал динамит...

В том мире, где жил Федор, добро должно побеждать без насилия и уж точно без оружия. В его мире людей не должно было разрывать на кровавые ошметки. Не такой он видел справедливость.

– ...Ах, вот вы где, Федя! – Сашенька, словно призрак, вступила в столп лунного света. – А я уже начала волноваться.

– Здесь динамит. – Ему хотелось предупредить ее, защитить от происходящего, спасти, если потребуется.

– Я знаю. – Сашенька прошла по лунной дорожке к ящику, замерла, сказала с придыханием: – Какая мощь! Чувствуете, Федя? С такой мощью весь мир будет у наших ног, все враги окажутся повержены!

– Какие враги? – Он не понимал, о чем она говорит. Не хотел понимать. – Это опасно, Александра!

– Да, это опасно! – Она приблизилась с какой-то нечеловеческой стремительностью, впиалась в губы жадным поцелуем. – Это смертельно опасно и смертельно прекрасно! Неужели вы не чувствуете?!

Федор чувствовал. В тот же миг почувствовал всю мощь ее безумия и испугался, что через ее отравленный поцелуй тоже может заразиться этой страшной одержимостью. А Сашенька цеплялась за него, оплетала руками, опаляла дыханием – заражала. И он ее оттолкнул. Инстинктивно, не желая дурного, отлепил от себя и вытер об штаны взмокшие ладони.

– Я уйду, – сказал твердо, – мне не нужна такая мощь.

Она не поверила, привстала на цыпочки, заглянула в глаза, а потом захохотала хриплым, прокуренным смехом.

– А некуда вам идти, граф Шумилин, – сказала, отсмеявшись. – Я за вас поручилась.

В тот самый момент Федор понял, что игры в идею, справедливость и равенство кончились, что живым его не отпустят. Возможно, сама же Сашенька и убьет. Ради высшей справедливости. Стало вдруг не страшно, а обидно, что он попался вот так по-глупому, что ходил на ощупь там, где нужно было смотреть в оба. А еще захотелось Сашеньку ударить, но ведь женщин бить нельзя.

Может быть, он бы решился, если бы хриплый Сашенькин смех не потонул в залиистой трели полицейского свистка, если бы в неприметный дом в неприметном переулке не нагрянула облава...

Взяли всех – кого живым, кого мертвым. Сашеньку застрелили прямо у Федора на глазах. Она упала к его ногам и поползла, оставляя за собой кровавый след, а он стоял, онемевший, парализованный, не пытающийся ни бежать, ни объясняться. И даже боль от выкручиваемых за спину рук не привела его в чувство, не выдернула из странного оцепенения.

Так он и жил, в оцепенении, до суда и вынесения приговора. Боролся за всеобщее благоденствие, а сделался бомбистом, государственным преступником. Его, графа Федора Алексеевича Шумилина, приговорили к бессрочной каторге. Не помогли ни отцовские связи, ни матушкины прошения, ни титул. А сам он ни о чем не просил, только у родителей, бабушки и сестры Настасьи прощения и благословения, только перед ними он чувствовал себя виноватым.

Федор считал себя сильным и смелым, думал, что сможет снести любые тяготы. Но оказалось, что и сила его, и смелость – всего лишь иллюзия. Он держался. Когда прощался с родными, даже шутил, уговаривал маму, бабушку и Настю не волноваться, говорил, что в Сибири тоже живут люди, может, даже не хуже, чем в столице. Вот только и мама, и бабушка, и Настя, и уж тем более отец знали, что этапируют его не в ссылку, а на каторгу, что после недавнего убийства государя[1 - Речь об убийстве народовольцами Александра II 13 марта 1881 года.] такие, как он, стали считаться особо опасными преступниками, недостойными снисхождения. Поэтому и плакали по нем, как по покойнику, и сам он с этим уже почти смирился, но глубоко в душе все еще верил, что сдюжит, справится со всеми бедами и этапирования, и каторги.

Не сдюжил... Кандалы стерли кожу в кровь уже в первый день пути. А сколько еще таких дней?! Знающие говорили, что и полгода не предел. А и пускай бы даже подольше! Потому что тюрьма в Каре, по словам все тех же знающих, страшнее ада, перемелет, переварит, выплюнет обглоданные кости, чтобы другим неповадно было царей убивать. Федор и верил, и не верил этим разговорам. Ему-то казалось, что хуже, чем есть, уже и быть не может. А потом перед Пермью от непонятной болезни скончались сразу четыре арестанта, и оставшиеся на собственных горбах по очереди тащили разлагающиеся, смердящие тела, чтобы на этапе сдать их под список. Вот тогда-то Федор понял, что может быть хуже, намного хуже. А в Перми, где их отряду полагалась недельная передышка, решил, что сбежит.

Сбегать пробовали два раза. Трех поймали, еще двоих пристрелили при попытке к бегству. Это был урок, который остальным следовало усвоить. И Федор усвоил. Бежать нужно было не по велению сердца, а с холодным расчетом, лучше бы не в одиночку, а с товарищем. Вот только он никому больше не доверял, боялся, что в отряде есть доносчик. Основания к тому имелись, об этом шептались заключенные на привалах. Люди боялись, страх делал их покорными, а охрану небрежной.

Этой небрежностью, а еще небывалой удачей Федор и воспользовался глухой июльской ночью после одного особо тяжелого перехода, который свалил с ног и заключенных, и охрану. Большую ее часть. В середине ночи началась гроза невиданной силы, когда оглушительный гром и дождь сплошной стеной. Грому Федор радовался так же, как и дождю. Его раскаты заглушили звон кандалов, когда он, дождавшись темного промежутка между почти беспрестанно бьющими молниями, кубарем скатился в глубокий овраг. Жив остался чудом, но сильно

расшибся и потерял бесценное время, приходя в чувство после падения. Там, наверху, его, наверное, уже хватились, нужно было бежать.

Бежать не получалось, получалось ползти на четвереньках, в темноте натываясь на кусты и деревья, захлебываясь льющейся со склона оврага водой. Где-то поблизости протекала река, Федор слышал шум воды до того, как началась гроза. В реке было его спасение, нужно только избавиться от кандалов.

Камень, удобный для хвата, с острым краем, он подобрал еще во время дневной стоянки, спрятал за пазуху. Только бы выдержал! Камень выдержал, кандалы не сразу, но поддались. Их нужно сбивать правильно, недостаточно просто разбить цепь, потому что немалая тяжесть железа утащит его на дно в тот самый момент, как он окажется в воде. И Федор долбил непослушный металл, сдирая с лодыжек кожу, терял драгоценное время, а когда оковы упали, не сразу поверил своей удаче и едва не совершил непростительную ошибку, едва не оставил кандалы тут же, на земле. Одумался в последний момент, вернулся, сунул в нору между корнями старой лиственницы, прикрыл иглицей и только потом побежал.

Оказалось, он разучился бегать, то и дело сбивался на ставший уже привычным семенящий шаг. Федор бежал и боялся, что направляется не в ту сторону. Гроза из помощницы превратилась во врага. Он не слышал и не видел реки, полагался теперь только на удачу, на то, что дуракам везет. Он ведь самый настоящий дурак и есть, если собственными руками сгубил свое будущее.

Лес оборвался внезапно, когда гроза уже почти стихла. Вековые сосны замерли на краю обрыва, цепляясь корнями за гранитные валуны. И Федор замер, увидел, как далеко внизу шумит и беснуется река, и понял, что не сможет, не найдет в себе смелости прыгнуть.

Так бы он и стоял, борясь с собой и со своим страхом, если бы за спиной не слышались выстрелы. Конвой не стал дожидаться, когда закончится гроза... Одна пуля ударила в гранитный валун, высекая из него искры, вторая опалила левое плечо. И в этот самый момент вместе со жгучей болью пришла лихая, отчаянная удача. Она вытеснила страх и толкнула Федора с обрыва.

Вода оказалась твердой, как камень. Федору сначала и показалось, что он упал на камни, а потом его, почти потерявшего сознание, подхватило, закружило, потянуло куда-то. И сопротивляться этому не было никаких сил, а хотелось

сдаться и умереть. Вот только тело не желало умирать. Тело цеплялось за жизнь и за несущиеся навстречу камни, обламывало ногти и сдирало остатки шкуры.

Река, протащив его, казалось, несколько верст, выплюнула на колкий каменистый берег и оставила умирать. Наверное, Федор потерял сознание, потому что, когда он открыл глаза, начался рассвет. Он брезжил еще где-то далеко, за лесом, но над притихшей рекой уже стелился густой утренний туман, а в ветвях деревьев звонко чирикали какие-то птицы. Федор лежал неподвижно до самого восхода солнца, не находил в себе сил даже отползти подальше от воды. Лежал и не верил, что выжил, победил в этой почти безнадежной битве с людьми и со стихией. Тело, битое об речные камни, ныло, а кожа горела так, словно его освежали заживо. Из распоротой щеки текла кровь, окрашивая красным серую гальку. Но рана на руке казалась неопасной.

Он встал, когда понял, что может умереть прямо здесь, на берегу, если не начнет двигаться. Поднялся сначала на четвереньки, потом, придерживаясь за большой валун, на ноги, постоял, прислушиваясь к шуму в голове.

Нужно было уходить. Он и так потерял непростительно много времени. Вряд ли его станут искать живым, но кто знает?..

Федор ушел от реки, и это была его самая большая ошибка. Нельзя было удаляться от воды, добровольно обрекая себя на жажду. Вот только когда он это понял, было уже поздно, попытка вернуться ничего не дала. Лес не отпускал. Густой, первозданный, он обступал со всех сторон, заметал следы, срачивал надломленные Федором ветки, шумел убаюкивающе. Этот вековой лес, как и река, хотел оставить его себе, измотать, извести, а потом попировать на его костях. Лес следил за ним сотнями глаз, дышал в затылок, хватал за ноги корнями, уговаривал прилечь, отдохнуть. Но Федор упрямо брел вперед, спал вполглаза, забравшись на дерево. Ему казалось, что на дереве безопасно. До тех пор, пока он не увидел рысь, крупную, пятнистую, совсем не похожую на безобидную домашнюю кошку. Та рысь оказалась сытой. Повезло. Но в лесу было еще очень много голодного зверья. Федор слышал хруст веток, вздрагивал от мощного рыка, припадал к земле, вжимался в стволы деревьев в попытке слиться с лесом, стать незаметным.

Он перестал бояться и прятаться, когда пришел жар и привел с собой невыносимую жажду. Многочисленные раны загноились. Сначала Федор пытался прикладывать к ним мох, но становилось только хуже. Тело зудело, и от этого

зуда не было никакого спасения. А потом он потерял счет дням. Теперь он больше лежал, зарывшись с головой в прошлогоднюю листву, и продвигался вперед только ночью, когда спадала жара, а тело хоть немного слушалось.

Все чаще ему хотелось сдаться на милость леса, но упрямство, единственное, что у него осталось от прежних человеческих чувств, гнало вперед, и лес отступал перед этой одержимостью.

Водой запахло на закате. Федор учуял ее, как кони чуют водопой. И так же, совершенно по-лошадиному, вскинул голову, шумно втянул в себя воздух. Жажда и голод обострили чувства, превратили его из дичи в оголодавшего, потерявшего страх зверя.

К озеру Федор вышел уже ночью, когда вместо беспощадного солнца на небо выкатилась полная луна, залила все холодным светом. В этом свете озеро казалось серебряным. Оно было большое. Нет, оно было огромное! Противоположный берег тонул в темноте, а то, что Федор сначала принял за берег, оказалось островом. Он возвышался над водой громадной каменной глыбой, щетинился уступами, тянулся к ночному небу высокими деревьями. От острова к берегу бежала лунная дорожка, и Федору, ошалевшему от жажды и радости, показалось, что по этой дорожке можно дойти куда угодно, хоть до острова, хоть до звезд. Она была яркой и незыблемой, она манила...

Силы оставили Федора на берегу. В отливающую серебром воду он не вошел, а вполз на животе, отталкиваясь стертymi в кровь ногами, помогая себе распухшими руками. Преодолеть эти несколько метров каменистого пляжа оказались едва ли не самым тяжелым. В какой-то момент Федор испугался, что умрет, так и не напившись. Такая смерть казалась ему жуткой и ужасно несправедливой, и он сцепил зубы и полз, а когда прохладная вода ласково лизнула кончики пальцев, заплакал от облегчения и последним невероятным усилием швырнул непослушное тело в озеро.

Это была самая чистая, самая вкусная вода в его жизни! Это было самое прекрасное из когда-либо виденных им озер! Федор пил, захлебывался, фыркал, снова пил, погружался под воду с головой, наслаждаясь появившейся в теле невесомостью, чувствуя, как уходит вековая усталость и возвращается желание жить. Чудесное лунное озеро возвращало ему то, что казалось навсегда потерянным, и Федор, до этого едва державшийся на ногах, поплыл широкими, страстными гребками.

Озеро пело, вибрировало и звало. Казалось невероятным, что он только сейчас услышал этот зов. Разве можно было не услышать такое чудо?! От острова, теперь Федор видел его отчетливо, как днем, по ровной водной глади расходились круги, словно от брошенного камня. А сам остров вдруг сделался похож на огромную голову всплывающего со дна чудовища. Чудовище зорко следило за пловцом черными провалами глазниц, недовольно ворочалось, и круги на воде все усиливались. Теперь они были похожи на волны, с которыми Федору приходилось бороться, но возвращаться не хотелось, хотелось плыть вперед, к оцетинившемуся каменными шипами проснувшемуся чудовищу. Ведь не просто так оно зовет. Не просто так он столько дней блуждал по тайге и остался жив. Вот ради этого!

Озеро вибрировало все сильнее, вздыбливалось то тут, то там, искрило серебряной змеиной чешуей, дразнило. А остров все никак не приближался, и силы, которых еще мгновение назад было с избытком, вдруг закончились. Руки и ноги налились свинцом, точно на них снова повисли кандалы. Повисли и потянули вниз, под воду. Или не кандалы, а упругие, отливающие серебром кольца обвилились вокруг тела, сжали так, что ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Стало страшно. Страх за свою жизнь Федор пережил немало и со смертью в последнее время ходил рука об руку, но этот страх, сковавший тело и душу серебряной чешуей, был особый, из тех, что не забыть, не вытравить из сердца. Наверное, так себя и чувствует кролик в стальных объятиях удава. Федор и есть глупый доверчивый кролик, и объятия смертельные он ощущает всем телом, а вот удава не видит. Вода вокруг, беспокойная озерная вода – никакого чудовища, а тело криком кричит от ужаса, бьется в невидимых тисках, не хочет умирать. И тишина вокруг как на погосте. Даже плеска волн не слышно. Звезды просыпались с неба в воду, зажгли ее белым огнем, закружились в беззвучном хороводе. Красиво, только умирать все равно придется, хоть со светом, хоть без. И если перестать бороться, а вдохнуть воду полной грудью, все закончится очень быстро. Возможно, одной звездой в хороводе станет больше, и одной неприкаянной душой тоже.

Федор почти сдался, почти смирился, но вместо того, чтобы позволить неведомой силе утащить себя на дно, закричал из последних сил, забился. Тишина отозвалась странным тягучим звуком, завибрировала, как натянутая струна, и невидимые кольца разжались, отпустили, вытолкнули Федора на поверхность, как ненужную соринку. Звезды вернулись на небо, все до единой, и теперь равнодушно наблюдали за Федором сверху. А от острова, прямо по

лунной дорожке, кралось еще одно чудовище. Слишком много чудовищ на него одного...

Федор раскинул в стороны руки, закрыл глаза и понял – все, пришел его край. Не так, так этак умирать придется, вернуться обратно на берег не получится. И измученное тело согласилось – не получится, ни до берега, ни до острова ему не доплыть. Жил граф Шумилин романтичным дураком, дураком и умрет, ляжет на озерное дно. Мысль эта больше не пугала, наоборот, подбадривала – ну брось ты уже трепыхаться, человечек, уймись! Федор согласился. И в тот самый момент, когда согласился, ушел под воду...

Не нужно было открывать глаза, нужно было уходить, не оглядываясь, не прощаясь, а он открыл и увидел прямо над собой черную тень. Затухающее сознание встрепенулось, дернулось вверх, волоча Федора за собой. Там, на поверхности, было не чудовище, а лодка. Кто-то на острове услышал его крик и приплыл на помощь. Вот только, наверное, опоздал...

Он умер в тот самый момент, когда в озеро прыгнула гибкая тень, заскользила серебряной змейкой вниз, протянула Федору руки. Так обидно...

\* \* \*

После смерти Федор попал в преисподнюю. Нестерпимый жар выпарил воду в озере, всю, до последней капли. И обнажившееся дно раскалилось едва ли не докрасна. Оно было похоже на кладбище – это мертвое дно мертвого озера. Федор видел остовы затонувших в незапамятные времена кораблей и лодок, видел изъеденные рыбами и временем человеческие останки. Их было особенно много, этими мертвыми людьми можно было заселить целую деревню. Они следили за Федором через черные провалы глазниц, недобро скалились щербатыми ртами. Радовались новому товарищу?

А остров, тот, что раньше возвышался над водой лишь малой своею частью, теперь весь был как на ладони – от массивного основания до узкой, похожей на хребет реликтового змея, надводной части. Остров тоже был мертвый. Некогда крепкие вековые сосны высохли и причудливо изогнулись, напоминая гигантские ребра. У основания острова, который теперь казался горой, зияла черная дыра – идеально круглая, идеально ровная, с отполированными краями, похожая на вход в огромную нору. Тот, кто прятался в этой норе, был стар, как

мир. А может, он и вовсе не принадлежал этому миру. Может, черная дыра вела не в нору, а в такие дали, о которых и подумать страшно. Федору не хотелось этого знать. Даже мертвый, он продолжал панически бояться того, кто может выйти – или выползти? – из преисподней. А он выползет. Непременно выползет, чтобы выяснить, что же такое случилось с его царством. И увидит Федора...

Дно под ногами вздрогнуло и завибрировало, пошло глубокими трещинами, из которых повалил не то дым, не то пар. И в этом зыбком мареве казалось, что мертвые обитатели озера возвращаются к страшной, неправильной жизни, поднимаются на ноги, собираются вокруг Федора в хоровод. Хоровод из звезд нравился ему куда больше, вот только небо и звезды от него отвернулись, а озеро распахнуло ему свои страшные объятия и преподнесло дары щедрые, но такие бесполезные по ту сторону жизни. Почерневший от времени, но еще крепкий сундук манил Федора диковинными украшениями, сыпал к ногам червонцы. Он поднял один, сунул в карман, стер со лба испарину.

Земля под ногами снова вздрогнула, на сей раз гораздо сильнее, а потом от самых недр, из черной, круглой дыры послышался звук, от которого захотелось умереть во второй раз. Федор вжался спиной в валун, зажмурился. Валун дрожал, и дрожь эта передавалась костям, заставляла зубы отбивать дробь. Гул усиливался, он был похож одновременно на свист и на скрежет, словно железные чешуи терлись о камень, высекали искры, полировали до зеркального блеска. Слышать этот звук не было никаких сил, вместе с дрожью он проникал в тело через кости, и было бесполезно затыкать уши. А от мысли, что источник этого жуткого гула уже близко, волосы на голове шевелились и сухо, по-костяному, пощелкивали. Федор не выдержал и закричал. Оказывается, мертвые тоже могут кричать.

– ...Да тише ты, окаянный, не ори! – На лоб легло что-то твердое, шершавое, как сосновая ветка, надавило, не давая подняться, впечатало в валун. Мертвый мир заговорил с ним скрипучим стариковским голосом. – Видишь, Айви. Он его крутит, косточки перемалывает. Не жилец он, зря не дала утонуть.

Шершавое и твердое со лба исчезло, а его место заняло мягкое и прохладное, и в опаленное горло полилось что-то горькое. Федор застонал, только на сей раз не от боли и жара, а от облегчения, от осознания, что он не умер. Может, болтается где-то между жизнью и смертью, но не умер.

– А еще и чужак, – продолжал брюзжать невидимый старик. – Посмотри, на ногах следы от кандалов. Что нам с ним таким делать, а? Лучше бы помер. И озеро бы свое получило, и он бы отмучился. Ну что ты смотришь на меня так? Что головой качаешь? Вот характер! Что делать-то с ним теперь?

Старик, казалось, разговаривал сам с собой. Никто ему не отвечал, не отзывался. Но по волосам Федора гладила рука по-девичьи мягкая и ласковая. Айви... Имя какое необычное! Увидеть бы, хоть одним глазком глянуть.

Вот только открыть глаза не получилось, в беспомощное тело снова прокралась дрожь, скрутила судорогой, выгнула дугой, а потом опять швырнула на дно мертвого озера, прямо на сундук с золотом. И кто-то невидимый, очень старый и очень страшный, следил за Федором из черной норы, а мертвецы в истлевших одеждах водили хороводы и перебирали сгнившие снасти.

– ...Плохая затея, Айви. – Все тот же стариковский голос, только злости в нем прибавилось. – Отдай его мне, если сама не можешь. Да ты не маши руками, не маши! Он не будет мучиться, обещаю. Выпьет отвар из чертова корня и уснет. Да ты посмотри на него, неужели сама не видишь, что он не жилец?

Голос старик дребезжал, набирался силы, проникал на дно мертвого озера, распугивал мертвецов, тянул Федора на поверхность к оранжевому свету. И кто-то еще тянул, только ласково и бережно, пробегал тонкими пальцами по лицу, успокаивал жар. Айви... Имя какое красивое.

– ...Не смей! Я запрещаю! – А старик злился все сильнее. – Не трать себя на всяких... чужаков. Силу свою почем зря не раздаривай. Ну и что, что время подходящее, и луна скоро на сход пойдет? Скоро – это не сейчас. Ты мала еще, у тебя силы нет даже той, что у матери твоей была. А станешь разбрасываться, ничего не останется. Как ты будешь без силы? Как ты его устроишь? Его лаской не остановишь, он силу чувствует, только силу понимает.

Тонкие пальчики гладили по голове, разбирали спутанные волосы на пряди, примиряли со словами старика.

– А я не вечный. Придет время, озеро и меня позовет. Ты одна останешься. И что ты одна сможешь? Ни его удержать не сможешь, ни людей. А люди жестокие, Айви! Все жестокие: и свои, и чужие. Свои порой еще больше, чем чужие,

сделать могут. И не плачь, всех не нажалеешься. А этот каторжанин не жилец, озеро его не отпустит...

Не соврал злой старик – озеро не отпускало. Хоть Федор и пытался, карабкался по склону, но неизменно срывался вниз, расшибался об острые камни, слышал, как хрустят его и чужие кости, чувствовал дрожь земли и знал уже наверняка, что у того, кто следит за ним из темноты, скоро закончится терпение, и он выйдет – или выползет? – из своей пещеры. Ждать осталось недолго. Если озеро не смилостивится, не отпустит, настанет конец. Теперь уже навсегда.

– ...Ты видишь? Видишь? Не получается у тебя ничего, не отпускает он его. И луна какая, ты посмотри! Лучше отдай, не гневи духов. Его не гневи! Ну что тебе в этом чужаке? Он мертвец уже. Тело здесь, а душа в Нижнем мире. Кому нужно тело без души? Послушай меня, Айви, не упрямясь. Все равно он мертвец.

Федор и сам понимал, что мертвец, ощущал, как ниточка, связывающая его с миром живых, истончается с каждым вдохом. И когда она оборвется, тот, кто прячется в темноте, выйдет на охоту. Уже скоро, вдох – выдох... И луна над мертвым озером встает большая, полная. Пришло время...

Застывший воздух вздрогнул от пронзительного звука, не то скрежета, не то свиста. И земля тоже вздрогнула, а вместе с нею Федор и остальные мертвецы. А в крошечной темноте пещеры зажглись два желтых огня. Федор мог бы бороться со страхом, но он не мог противиться зову. Тому самому, который уже слышал однажды. Зов делал его счастливым и покорным, тянул к норе, словно на аркане. И мертвецы, все до единого, встали, уставились невидящими взглядами на желтые огни. Они были похожи на мертвую армию, послушную и равнодушную одновременно. Очень скоро и Федор станет частью этой армии, надо лишь войти в пещеру.

И он шел. Брел, медленно переставляя ноги, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, до тех пор, пока не услышал свирель. Ее слабый голос приглушил зов, ослабил невидимый аркан, а свет желтых огней, кажется, стал чуть слабее.

Если бы в Нижнем мире нашлось место надежде, она звучала бы как свирель, она была бы похожа на быстрокрылую ласточку. Вот на ту, что кружится в черном небе и медленно, по спирали, спускается на дно мертвого озера. Птицам нет места на озере, но это совершенно особенная птица...

Она упала на землю между пещерой и Федором, ударилась о черный камень с такой силой, что Федор вздрогнул. Острокрылые ласточки не должны умирать, разбиваясь о камни, они должны парить в небе и дарить надежду. Он бросился вперед, разрывая невидимый аркан, стирая морок, бросился спасать ласточку, а увидел девушку.

Она лежала на черном камне, как крылья, раскинув в стороны руки. Глаза ее были закрыты, и Федор не знал, живая она или мертвая. Знал только, что красивая. Красивая какой-то непривычной, дикой красотой. Высокая, тонкая, с четко очерченными скулами, с вздернутыми к вискам уголками глаз, с волосами цвета ласточкина крыла и белоснежной седой прядью, вплетенной в толстую косу. Он хотел дотронуться до фарфоровой щеки, а коснулся кончика косы, и ему показалось, что под рукой не девичьи волосы, а птичье перо – мягкое и шелковистое.

А она открыла глаза. Как в сказке спящая красавица. Вот только целовать не пришлось. У нее были удивительные глаза. Не голубые и не серые, а цвета расплавленного серебра. И ресницы длинные-длинные, с серебришкой, словно инеем припорошенные. Она смотрела на Федора своими серебряными глазами и улыбалась так, будто давно знала, будто одного его и хотела видеть.

– Я тебя нашла, – сказала и соскользнула с камня, одернула расшитое белое платье, притопнула босыми ногами и рассмеялась. – У меня получилось! А дед говорил, что я слабая, что мне нельзя в Нижний мир.

От нее шел свет, ровный серебряный свет, как от луны. Только в отличие от луны в ее лучах можно было греться. Федор кожей чувствовал это тепло. И мертвецы тоже почувствовали, зашатались, как тростник на ветру, потянулись к ней, нарушая строгие армейские ряды. Федор испугался, что они ее обидят, погасят этот спасительный свет. Он встал между нею и мертвецами, заслонил собой, приготовился защищать.

– Не надо. – Она положила узкую ладошку на его плечо, на запястье звякнули серебряные браслеты. – Они для меня неопасны. – А потом, словно вспомнив что-то, добавила: – Я Айви.

Вот она, значит, какая! Девушка, нырнувшая за ним в озеро, а потом и в Нижний мир. Смелая и очень красивая.

– А ты? – Она смотрела ему прямо в глаза, смело, не отводя взгляда. – Ты кто?

– Я Федор. – Собственное имя показалось ему грубым и некрасивым, а Айви улыбнулась. Наверное, ей понравилось.

– Это хорошо, – сказала она. – Когда знаешь имя, легче найти нить.

– Какую нить?

– Которая приведет к человеку. Без имени очень тяжело. Я долго тебя искала, Федор. Чуть не опоздала.

И словно в подтверждение ее слов камни под ногами вздрогнули, Айви швырнуло на Федора, и он поймал, удержал ее от падения. А мертвецы не удержались, просыпались грудой костей, покатались под ноги скалящимися черепами.

– Тебе нужно уходить. – Айви не спешила высвободиться из его объятий, и Федор чувствовал себя самым счастливым человеком в преисподней. До тех пор, пока снова не услышал зов...

Айви его тоже услышала, вздрогнула, вытянулась в струну, а потом решительно оттолкнула руки Федора. Лицо ее сделалось сосредоточенным, заострилось, теряя девичьи округлости.

– Он зовет, – сказала она шепотом. – Хорошо, что я уже здесь.

Нет, это было плохо. Ужасно плохо! Хрупкой ласточке не выстоять против того, кто прячется в темноте.

– Уходи! – Федор сжал ее запястья. – Улетай отсюда, пока не поздно!

Она посмотрела удивленно и, кажется, с жалостью, а потом улыбнулась, сказала успокаивающе:

– Он меня не обидит. Он меня чувствует, знает, что в моих жилах течет серебро. Видишь? – Она взмахнула рукой, и с кончиков ее пальцев сорвались серебряные

искры. – Красиво, правда? Только в Нижнем мире они видны. Наверху очень редко. Наверху все гораздо сложнее.

– Кто он? – Зов усиливался, противиться ему стало почти невозможно.

– Он был здесь всегда. Или не здесь. – Айви пожала плечами. – Он очень старый и очень усталый. А еще голодный. И если злится, становится очень опасным. Мой род с ним договаривается уже много-много лет назад. И я договарюсь! – Она вздернула подбородок с совершенно детской решимостью. – А потом заберу тебя в Верхний мир. Душа не должна долго оставаться без тела, она может заблудиться.

– Не ходи! – Получилось жалобно. Федор не знал, как можно удержать быстрокрылую ласточку.

– Я не боюсь. – А ведь боялась. И серебро ее глаз потемнело, сделалось почти черненым. – И ты не бойся, Федор. Я тебя не брошу.

Быстрым движением Айви распустила косу, дернула себя сначала за черную, потом за белую прядь, и на смуглую ладошку легло два пера – белое и черное. Черным она обвела круг вокруг Федора, и зов тут же ослаб, стал едва слышным. А белое вложила в руку, сказала торопливо:

– Оно тебя выведет, если что... – И не договорила.

– Если что? – Федор дернулся за ней, но очерченный черным пером круг не пустил. – Айви! – Его отчаянный крик отразился от невидимой преграды, умер, едва родившись.

– Если я не вернусь, просто подбрось перо в воздух. – Айви улыбнулась беспечно, но кого может обмануть такая беспечность?..

Она шла к норе медленными шагами, старательно обходя разбросанные повсюду кости. Ее черные волосы трепал призрачный ветер, превращая в ласточкины крылья. А Федор в бессилии бился о невидимую стену. Огни в пещере разгорались все сильнее и сильнее, словно в ее черном нутре кто-то разложил два огромных костра. Вот только Федор знал, что это не костры, а глаза –

огромные, нездешние. Они погасли, как только Айви шагнула в пещеру. Нижний мир и мертвое озеро погрузились в темноту и тишину, затаились, отсчитывая мгновения. Или часы. А может, и вовсе века. Время здесь не имело значения. Впрочем, как и все остальное.

Федор ждал, потому что ничего другого ему не оставалось, потому что Айви велела ему ждать, но все равно упустил тот миг, когда огни в пещере снова зажглись. Теперь это был не голодный желтый огонь, он светился ровным серебряным светом, а зов, едва пробивающийся через очерченный круг, превратился в сытое урчание. Вот только Айви все не выходила.

Она появилась, когда Федор потерял надежду. Не вышла, а выползла из норы. Лицо ее занавешивали волосы, совершенно седые... Она замерла на черном камне не шустрой ласточкой, а уснувшей ящеркой. Или мертвой...

Федор проломил невидимую стену. Сам не понял, как у него это вышло, просто буром попер вперед и почувствовал, что его больше ничто не держит. К норе он бежал целую вечность, как в дурном сне. А добежав до неподвижного тела, упал, не находя в себе сил убрать с ее лица седые волосы.

Айви сделала это сама, улыбнулась беспомощной старушечьей улыбкой, прошептала:

– Ну вот, я же говорила, у меня получится.

У нее получилось, вот только какую цену она заплатила? Выгорела до дна? Или позволила неведомой желтоглазой твари выпить себя?

– Я попробую. – Айви взмахнула рукой, но с кончиков ее пальцев вместо серебряных искр сорвался серый пепел. – Не получается. – По ввалившимся щекам покатились слезы. Они с шипением падали на черный камень и испарялись. – Дед был прав, я слабая и глупая.

– Ты умная и сильная! – Федор уже ненавидел ее деда. И себя он тоже ненавидел. – И мы уйдем отсюда. Где твой Верхний мир?

– Наверху. – Она улыбнулась и закрыла глаза, черные, как прогоревшие угли.

– Раз наверху, значит, пойдём наверх!

Тело Айви было невесомым, словно он нес на руках не женщину, а ласточку. Федор уходил от норы, не оборачиваясь, не чувствуя ничего, кроме лютой ненависти к Желтоглазому и решимости любой ценой вытащить себя и Айви из этого гиблого мира.

И мир отзывался на его решимость, оживал и приходил в движение. Между камнями вдруг забили ключи, вода хлынула из трещин, стремительно заполняя все пустоты. Сначала она доходила Федору до щиколоток, потом до коленей, а когда дошла до пояса, вымочила длинные волосы Айви, он понял, что утонет сам и погубит ее. Он карабкался вверх по крутому склону, пытаясь не сорваться и не уронить Айви, когда ладонь кольнуло. Белое ласточкино перо, проводник в Верхний мир. Как же он забыл?..

Айви сказала, подбрось перышко. Федор подбросил.

Перышко вспорхнуло, подхваченное невесть откуда взявшимся ветром, но далеко не улетело, покружило в воздухе и опустилось на воду белой лодкой. Федор переложил в лодку Айви, забрался сам. Он уже ничему не удивлялся, устал удивляться. Он лишь молился, чтобы Айви дотянула до Верхнего мира, не умерла у него на руках.

А вода прибывала, поднимала лодку все выше, все дальше от усеянного костями дна. Вода бурлила и злилась, закручивалась в водовороты вокруг остовов мертвых кораблей, разбивалась о каменную броню острова, наполняла чашу озера до тех пор, пока в мире – Верхнем ли, Нижнем ли – не наступила кромешная темнота. И в темноте этой лодку закружило волчком. Федор изо всех сил вцепился в ее борта, но все равно упал и падал долго-долго, пока верчение не прекратилось, пока с неба не сдернули черный полог.

Они с Айви лежали на дне лодки, не белоснежной, а самой обычной, почерневшей от времени и воды. Айви спала, свернувшись калачиком. Федору хотелось верить, что это сон. Полная луна серебрила ее длинные волосы, и он никак не мог понять, черные они сейчас или седые. И платье ее из белого сделалось серым, подпоясанным тонким кожаным ремешком. А ноги были босые, как и в Нижнем мире, там, где она могла превращаться в ласточку.

Федор, помогая себе руками, сел. Тело тут же отозвалось болью. Болело все, что может болеть, раны на задубевшей, почерневшей коже выглядели так, словно он получил их только вчера. Но о себе он не думал, он думал об Айви.

Ее волосы и в самом деле были седыми – белыми как лунь. Но жилка на тонкой шее билась ровно и размеренно, и длинные ресницы вздрагивали, словно она видела сон. Какие сны снятся ласточкам?

Федор не стал ее будить, взял со дна лодки весло, опустил в воду. До острова было далеко. Во всяком случае, так ему казалось. В том, что плыть нужно не к берегу, а к острову, он почему-то был совершенно уверен. Он даже знал, с какой стороны лучше причалить, помнил рельеф дна, помнил все его впадины и возвышенности и то место, где черная дыра открывала дверь в другие миры.

Все это следовало забыть, так разумнее и безопаснее. Вот только Федор знал – забыть не получится. Нижний мир выпустил свою жертву, но не отпустил ее далеко, приковал ко дну озера невидимой цепью.

А в Верхнем мире царили тишина и безветрие. Водная гладь казалась похожа на гигантское зеркало. Счастливчик тот, кто не знает, что скрывается под ним. Федор сделал гребок, мышцы отозвались болью, кожа на ладонях закровоточила. Айви оказалась права: телу без души плохо, оно болеет и дряхлеет, теряет жизненные силы. Но деваться некуда, нужно грести, нужно отвезти Айви на остров к деду. Это такая мелочь по сравнению с тем, что она сделала для него. И Федор греб, сцепив зубы, смахивая с лица соленые капли не то пота, не то слез, сражаясь с водой, которая вдруг сделалась вязкой, как патока, следя за тем, чтобы не сбиться с курса, потому что лодку все время сносило в сторону от острова. Его упрямство и решимость были вознаграждены. Лодка наконец ткнулась острым носом в каменистый берег.

На берегу стоял старик, высокий, худой, узколицый, седовласый. Федор узнал его, хотя до этого ни разу не видел, а старик молчал. Ноги подкосились уже на берегу. Федор упал коленями на мелкую гальку, замотал головой, борясь с нахлынувшей дурнотой. Он, когда-то молодой и крепкий, сейчас был слабее младенца. И если бы тот мрачный, неприветливый старик решил столкнуть его в воду, утонул бы, как беспомощный кутенок. А старику хотелось, Федор видел это жгучее желание в блеске его черных глаз, в нервных подергиваниях пальцев. Старик ненавидел незваного гостя и желал ему смерти. Но не убил, прошел мимо Федора к лодке, подхватил Айви на руки и по извилистой тропе пошагал в

глубь острова. Он ступал упруго, совершенно не сутулясь под тяжестью своей ноши, и со спины был больше похож на молодого человека, чем на старика. Когда он скрылся из виду, Федор лег на землю и закрыл глаза. Старик поможет Айви, а больше пока ничего не нужно. Только бы с ней все было хорошо. Он так и уснул на берегу, кажется, в тот самый момент, как закрыл глаза.

Сон был темный, как безлунная ночь. В темноте этой хищно светились желтым два огромных глаза, смотрели, не мигая, следили. И от этого немигающего взгляда по хребту полз холодок, и пальцы на ногах поджимались от страха.

Из сна Федора выдернули грубо – тычком под ребра, но даже такому пробуждению он был рад. Старик стоял в двух шагах от него, и в наползающем с озера утреннем тумане походил на призрака.

– Вставай, – не сказал, а прокаркал.

Федор попытался встать. Получилось не сразу, но старик даже не подумал ему помочь. Он стоял, скрестив руки на груди, а когда Федор все-таки поднялся на ноги, коротко бросил:

– Пойдем.

И пошел, не оглядываясь, но дожидаясь, широким, стремительным шагом.

Федор двинулся следом. Получалось медленно, от слабости его шатало из стороны в сторону, тропинка перед глазами двоилась и иногда и вовсе уходила из-под ног. Тогда Федор падал, на коленях пережидал дурноту и снова поднимался. Старика он больше не видел, но тропинка все равно вывела его к большому и приземистому деревянному дому. Перед домом сушились сети, на поленнице дров дремал рыжий кот, в пыли копошились куры, откуда-то издали доносилось блеяние. Картинка была бы идиллической, если бы не грызущая Федора тревога. Он не видел Айви.

На этом острове Федор был чужаком, незванным гостем, потому в дом заходить не стал, присел на старый колун, уперся дрожащими руками в колени, закрыл глаза. Он сидел недвижимо и, кажется, задремал, когда скрипнули дверные петли. Из дома вышел старик с глубокой глиняной миской в руках. От миски шел горячий пар и мясной дух, такой упоительно вкусный, что закружилась голова.

Федор был голоден. Чертовски голоден! Желудок завыл, пошел голодной судорогой.

– Ешь! – Старик сунул ему в руки миску и большую краюху хлеба. И в ту же секунду Федор забыл обо всем на свете. Сейчас он мог думать только о еде. Он ел жадно, не дожидаясь, когда похлебка остынет, обжигаясь и фыркая от удовольствия. Он вымакал остатки похлебки хлебом, облизал пальцы. Как дикарь, а не цивилизованный человек. Но сейчас ему не было дела до цивилизации, сейчас его вели примитивные звериные инстинкты. И он по-прежнему был голоден.

– Хватит. – Старик словно прочел его мысли. Впрочем, все мысли были сейчас написаны на лице Федора. – Нельзя тебе много.

– Можно. – Он вцепился в миску, не в силах с ней расстаться. – Еще немного. Пожалуйста...

– Нет. – В голосе старика не было сочувствия, в нем вообще не было никаких эмоций.

– Где Айви?

– Вспомнил?

– Я и не забывал.

Федор врал, в тот момент, как управление телом перехватил зверь, он забыл обо всем, даже об Айви.

– Лучше бы она тебя забыла. – Все-таки старик умел читать мысли. – С чужаками приходит беда.

Тут он был прав, с Федором в самом деле пришла беда. Беда выбелила волосы Айви, выпила из нее все силы.

– Я не знал, что она сделает.

– А я знал. – Старик чуть заметно качнул головой. – И все равно позволил.

– Она поправится?

– Не знаю. Слишком мало серебра в ней осталось, слишком мало света. Ей нельзя было спускаться. Молодая еще, неопытная. Если бы не ты... – Старик зыркнул на гостя и тут же отвел взгляд, сказал едва слышно: – Лучше бы тебе было умереть.

Федор и сам уже начинал так думать. Но ведь не умер же! Сколько раз смерть брала его за руку, он уже и со счета сбился. А старик вдруг шагнул в его сторону, с силой сжал Федорово запястье, острием ножа чиркнул по ладони и подставил под густую кровь ту самую миску, из которой ел гость.

– Не дергайся и молчи. – Он сжимал руку стальной хваткой, а острие ножа теперь прижимал к горлу. Тут и захочешь, а не дернешься.

И Федор не шевелился, замороженно наблюдал, как кровь рисует на дне миски странные узоры. Старик тоже наблюдал, и лицо его делалось все темнее, а острие ножа все глубже впивалось в кожу. Что он там видел, на дне миски? Ведь точно что-то видел.

Наконец старик убрал нож, Федору показалось, что с большой неохотой, кровь из миски выплеснул прямо на пыльную землю и, не говоря больше ни слова, направился к дому.

Его не было долго, кровь в ране уже успела свернуться, а сама рана – затянуться. Хотя, конечно, быть такого не могло. Все это мерещилось из-за слабости.

Старик вышел во двор все с той же миской в руках, теперь в ней плескалась какая-то мутная, дурно пахнущая жижа.

– Пей! – велел он и сунул миску Федору. И тот послушно выпил, все, до последней капли.

Зелье подействовало почти мгновенно. Федора будто накрыло легким пуховым одеялом, ноющее тело онемело.

– Иди спать, – сказал старик и махнул рукой не в сторону дома, а в сторону сарая.

Федор уснул бы прямо во дворе, так ему хотелось лечь. Но сарай с душистым сеном показался ему царским ложем, и силы воли все-таки хватило, чтобы спросить:

– С Айви ведь все будет хорошо?

Прежде чем ответить, старик окинул гостя долгим взглядом, а потом сказал:

– Она выживет, если ты спрашиваешь об этом.

В его голосе больше не было ненависти – одна лишь непонятная горечь. Но из сказанного Федор понял главное – с Айви все будет в порядке, встреча с Желтоглазым не стала для нее фатальной. Да и был ли Желтоглазый на самом деле? Существует ли Нижний мир? Или все это лишь плод воспаленного воображения?

Додумать до конца эту мысль Федор не успел, провалился в сон, как в темную, бездонную яму, полную желтых огней. Это был тяжелый, засасывающий кошмар. Он не хотел отпускать Федора из своих сетей, а если и удавалось вырваться, то ненадолго, только чтобы поесть, выпить горькую жижу, спросить старика об Айви и снова захлебнуться не то сновидениями, не то воспоминаниями.

Этот сон был особенный, хотя начинался, как обычно, – с обнаженного, усеянного костями озерного дна. Во сне Федор сидел на плоском камне и глядел в темное небо, когда почувствовал легкое, едва осязаемое прикосновение. За его спиной стояла Айви. Стояла и улыбалась. Ее волосы были заплетены в толстую косу, а глаза снова светились живым серебром.

– Видишь, я же говорила, все будет хорошо. – Она погладила Федора по щеке, и он не удержался, поцеловал узкую ладошку.

Любая другая смутилась бы, отдернула руку, а Айви лишь засмеялась звонким колокольчиком, и от ее смеха неподвижный воздух Нижнего мира дрогнул и пошел рябью. Федор вдруг испугался, что Желтоглазый вернется.

– Он теперь долго не вернется. – У Айви был тот же дар, что и у ее деда, она умела читать мысли. – Ему пока достаточно.

– Чего?

– Всего. – Она пожала плечиками, словно они сейчас говорили о чем-то совсем незначительном. – Мы с ним договорились.

Федор хотел спросить, как Айви договорилась с Желтоглазым, но не смог, побоялся узнать правду.

– Он... уполз? Ушел насовсем? – спросил он вместо этого.

– Нет. Ему нельзя уходить насовсем.

– Почему?

– Потому что он страж. – Айви раскрыла ладошку, и Федор увидел маленькую серебряную змейку с красными рубинами глаз. – Он на своем месте.

– И что он сторожит? – Федор оглянулся на нору.

– Я не знаю. – Айви полюбовалась змейкой и сжала руку в кулак. – Я только знаю, что так должно быть, что это правильно.

– А они? – Федор кивнул на мертвецов, которые медленно собирались из костей и, казалось, жадно прислушивались к их разговору. Он уже почти перестал их бояться, привык.

– А они плата. За все нужно платить. Стражу нужны жертвы. Так было испокон веков. Дед говорит – малая кровь, чтобы не допустить большого кровопролития. Дед понимает кровь. – Айви задумчиво нахмурилась. – Видит по крови будущее человека.

– Мое увидел. – Федор вспомнил миску, наполненную его кровью.

- Что он увидел? - Айви смотрела очень внимательно: - Что он тебе сказал?

- Ничего. Просто вылил кровь на землю и ушел.

- Кровь нужно выливать в озеро. - Айви казалась удивленной. - Кровь - это тоже жертва. - Она уселась на камень рядом с Федором, подтянула к подбородку коленки, а потом сказала едва слышно: - Вы теперь связаны.

- Кто?

- Ты и Нижний мир. Дедушка был прав. У меня хватило сил, чтобы не отдать тебя ему, но не хватило опыта, чтобы разорвать связь.

- Ему - это Желтоглазому?

Айви не ответила. Ответ и так был очевиден.

- Но когда-нибудь я пойму, что нужно сделать. Серебро подскажет. - Она снова полюбовалась змейкой, искоса посмотрела на Федора. - А пока тебе придется вот так...

- Как - так?

- Во сне возвращаться сюда. - Она погладила камень, на котором сидела. - Это связь, то, с чем я ничего не могу поделать.

- Я переживу. - Мертвое озеро больше не казалось Федору таким уж страшным. - Человек ко всему привыкает, Айви. - Ему нравилось, как звучит ее имя. И сама она ему очень нравилась. Вот такая, босая, с заплетенными в косу волосами, с серебряными глазами. - Как ты себя чувствуешь?

Она взмахнула рукой, словно этот вопрос не имел никакого значения, словно его судьба волновала ее куда сильнее, чем собственная.

- Здесь не так уж и плохо. - Федору захотелось ее утешить.

– Здесь может быть по-разному. И это, – она снова похлопала ладошкой по камню, а мертвецы согласно закивали, – это тоже жизнь, только другая.

– Я справлюсь. – Он не удержался, потрогал ее за кончик белой косы, а Айви вдруг смутилась, залилась краской.

– Некрасивая, да?

– Очень красивая! У тебя волосы теперь серебряные. Как глаза.

– И глаза тоже некрасивые. Ни у кого нет таких глаз. Это как... – Айви задумалась, – как клеймо. Чтобы все знали, из какого я рода. Чтобы боялись.

– Я не боюсь. – Федор выпустил косу, но лишь затем, чтобы взять Айви за руку. – И мне кажется, что ты очень красивая.

– Потому что ты чужак. Чужаки не боятся. – А руку она не забрала, и сейчас, в этот миг, Федору казалось, что он может сидеть вот так вечно. – Только чужаки и не боятся. – Она вздохнула, а потом прыгнула с камня и сказала нарочито весело: – А теперь пойдём! Хватит тут сидеть!

Взмаха ресниц хватило, чтобы девушка превратилась в ласточку и взвилась вверх, в небо. И Федор тоже взвился, словно его связывала с Айви невидимая нить...

\* \* \*

Федор очнулся в сарае, в ворохе душистого сена и не сразу понял, где он. Сквозь щели в стенах просачивались яркие лучи, рассыпались по земляному полу солнечными зайчиками. Айви сидела рядом. Так же, как во сне, подтянув коленки к подбородку. Во взгляде ее была настороженность.

– Айви. – Федор сел, и впервые за долгое время его тело не отозвалось болью. – С тобой все хорошо?

Она ничего не ответила, только улыбнулась как-то неуверенно и вскочила на ноги, словно боялась, что Федору захочется до нее дотронуться.

Ему и хотелось! А еще хотелось рассказать о своих снах, узнать, что же из увиденного правда. А девушка пятилась от него, до тех пор, пока не уперлась спиной в дверь.

– Айви, это же я, Федор. – Из Нижнего мира он вынес не только страшные воспоминания, но и знание, что имя – это очень важно. Может, она забыла? – Мы разговаривали с тобой только что. Помнишь?

Она кивнула, соглашаясь. От сердца отлегло. Федор сделал шаг, но Айви вытянула перед собой руки, словно защищаясь, очерчивая вокруг себя невидимую границу. Такую же границу, которую она очертила вокруг Федора в Нижнем мире. Это было странно и неправильно. Это не совпадало с тем, что он знал и видел раньше.

– Не бойся, я тебя не обижу, – сказал он на всякий случай, хотя и без слов ясно, что Айви он не обидит никогда в жизни, даже в мыслях.

Она хотела что-то сказать, подалась вперед и руки опустила, убирая возведенную стену, но в этот момент дверь сарая распахнулась. В столпе яркого солнечного света старик казался выше и крепче. В руке его был посох, и Федор как-то сразу понял, что это не опора, а оружие. Очень опасное оружие. Айви посмотрела на деда с облегчением, как на спасителя, и выскочила из сарая. Федор и старик остались наедине в гробовой тишине. В этой тишине не было ничего хорошего, в ней слышались грозовые раскаты.

– Обидишь Айви – убью. – Старик заговорил первым, и Федор ему поверил – убьет, перешибет хребет вот этим самым посохом.

– Я никогда не обижу Айви. – Он старался говорить медленно и твердо, чтобы старик раз и навсегда понял, что такое невозможно. Ни в этом мире, ни в Нижнем. Ни в одном из существующих миров!

В черных глазах промелькнули серебряные молнии, густые брови сошлись на переносице, а грозовые раскаты сделались явственнее.

– Я не знаю, что вы там такое увидели в моей крови, но я скорее умру, чем обижу вашу внучку. И другим не позволю. – Федор говорил и знал, что так оно и будет, в его пустой и никчемной жизни появился наконец смысл. – И она это знает. Не верите, спросите – она скажет.

– Она не скажет. – Старик оперся на посох жестом очень уставшего человека. – Она с детства немая. Слишком рано увидела Стража. Он позвал ее, а я не углядел.

– Но я разговаривал с ней только что! – Федор протестующе мотнул головой.

– Где? – Старик буравил его взглядом. – В каком из миров? В том, из которого она тебя вытащила?

– Да.

– Там она болтушка. – Федору показалось, что на каменном лице старика промелькнула улыбка. – Там у нее даже есть крылья.

– Ласточка. – Федор тоже улыбнулся.

– Ласточка, – согласился старик. – Там она сильная, а здесь, – он ткнул посохом в земляной пол сарая, – наивная и беспомощная, как дитя. Ты меня понял, чужак?

– Федор. – Кулаки зачесались. Несмотря на грозный вид посоха. – Меня зовут Федор, и я никогда не причиню вреда Айви.

– Причинишь, – сказал старик после долгого молчания, и в скрипучем голосе его послышалась горечь. – Так всегда бывает. Любой из нас становится проклятьем для любой из них. Серебряная жила жестока к своим дочерям. Особенно к тем, в которых проснулось серебро.

Он ничего не понимал, но старик никогда не говорил так много и так долго, поэтому Федор молчал, слушал.

– Аким Петрович, – сказал вдруг старик.

- Простите...

- Имя мое Аким Петрович. Хватит уже меня стариком называть.

- Я не... - Федор осекся.

- Даже в мыслях. - Старик... Аким Петрович огладил косматую бороду, и Федору снова почудилась усмешка. Скорее всего, почудилась, потому что седые брови собеседника снова сошлись на переносице.

- Она очень стесняется своей немоты и цвета глаз. Ты первый чужак, с которым она заговорила, пусть даже и в Нижнем мире. Пожалела она тебя. Жалостливая больно. И если ты только посмеешь, - посох многозначительно качнулся, - если только подашь вид, что тебе противно...

- Мне не противно! - Старших нельзя перебивать, но Федор все равно перебил, не выдержал. - Мне все нравится... - сказал и смущенно замолчал, испугался, что сказал слишком много.

- Это хорошо. - Аким Петрович кивнул. - Но руки распускать не смей. - Из рукава его рубахи выглянул и тут же исчез уже знакомый Федору нож. - Ты на Стражевом Камне случайный гость, а я здесь всему хозяин и голова. Моя воля - и отправишься в Нижний мир навсегда. Озеро примет, не сомневайся. Понял ты меня, Федор?

- Понял. Стражевой Камень - это остров так называется?

Старик молча кивнул.

- А озеро?

- А озеро, стало быть, Стражевое. Объяснить почему или сам догадаешься?

Федору хотелось получить объяснения по многим вопросам, но не весть откуда взявшимся чутьем он знал: Аким Петрович больше ничего не расскажет. Не сейчас.

- Не нужно. - Он мотнул головой.

- Тогда пойдём есть. - Старик пошире распахнул дверь. - Хватит тебе на сене боровом валяться. - Он отступил, пропуская Федора вперед, а потом сказал уже в спину: - Айви о нашем разговоре не рассказывай.

- Так ведь и не было никакого разговора. - Федор пожал плечами. - Не о чем рассказывать.

- И не пялься, не смущай девочку.

- Не буду. Куда идти?

- К дому. Куда же еще?

Дом только снаружи казался деревенской избой. Внутри же он был совсем не похож на обычный крестьянский дом. С первого взгляда становилось ясно, что люди в нем живут не только зажиточные, но и образованные. Особенно Федора удивил книжный шкаф. Книги здесь находились разные, в основном по медицине и горному делу, но он успел заметить несколько томов на французском языке. Кто же это все читает? Представить Акима Петровича с томиком Вольтера никак не получалось. Впрочем, как и с анатомическим атласом.

Не меньше, чем книги, Федора поразил камин. Огромный по меркам дома, сложенный из черного озерного камня с изящными золочеными часами на каминной полке. Перед камином стояло кресло, по виду очень старое и удобное. В том, кому принадлежало кресло, сомнений не возникало. Как и в том, кто хозяйка элегантного резного секретера. На секретере лежал лист бумаги с нарисованным углем пейзажем. В небрежных, но удивительно точных штрихах угадывались очертания Стражевого Камня.

- Айви развлекается. - Аким Петрович проследил за взглядом Федора. - Нравится ей.

- Очень красиво. - Федор осторожно коснулся рисунка.

– Пустая забава. – Аким Петрович пожал плечами, внимательно осмотрел служившую гостиной комнату, словно видел ее впервые, а потом добавил: – Ладно, нечего тут... Айви не любит, когда трогают ее вещи. Пойдем уже, стол накрыт.

В кухне у печи хлопотала одетая во все черное женщина в низко надвинутом на лоб черном же платке. Федора она встретила неласковым взглядом, коротко кивнула в ответ на его вежливое приветствие и тут же отвернулась.

– Это Евдокия, – представил женщину Аким Петрович. – Приплывает к нам, помогает Айви с хозяйством.

Поскольку Федора он Евдокии не представил, стало ясно, что о его существовании она знала задолго до этой встречи.

– А где Айви? – В голосе Акима Петровича послышалась тень тревоги, и Федор тоже напрягся.

Вместо ответа Евдокия равнодушно пожала плечами и принялась выставлять на стол нехитрые деревенские разносолы, от одного вида которых у Федора снова заурчало в животе. Когда стол уже был накрыт, тихо скрипнула дверь. Айви, смущенная и расстроенная, замерла на пороге.

– Чего стоишь? – спросил Аким Петрович, не глядя на внука. – Семеро одного не ждут.

Сам он уже сидел во главе стола и при этом умудрялся смотреть на присутствующих сверху вниз. Айви бросила быстрый взгляд на Федора, уселась по правую руку от деда.

– И ты не стой истуканом, – велел он Федору и кивнул на табурет по левую руку.

Евдокия окинула стол внимательным взглядом и, не говоря ни слова, вышла во двор.

Ели в полном молчании. От этого молчания Федору кусок не лез в горло. Айви тоже почти не притронулась к еде. И только Аким Петрович ел много, с

удовольствием.

– Решили голодом себя известить? – спросил он вдруг, и от неожиданности Айви вздрогнула, посмотрела на деда с укором.

– И не смотри на меня так. Мне и Евдокии хватает. Тоже вечно чем-то недовольна. – Аким Петрович нисколько не смутился. – Один с того света, считай, выбрался. Вторая тоже начудила столько, что не расхлебать. А силы вы где возьмете? – Он перевел мрачный взгляд с Айви на Федора. – Или ты, гость дорогой, думаешь, что и дальше будешь на перинах бока отлеживать?

Айви вздохнула, вцепилась пальчиками в край столешницы, но ни на Федора, ни на деда глаз не подняла.

– Не думаю. И за гостеприимство ваше, Аким Петрович, постараюсь расплатиться как можно скорее. – Федор церемонно поклонился. Наверное, слишком церемонно, потому как старик посмотрел на него насмешливо.

– И как же ты собираешься расплачиваться, позволь спросить, если тебя ветром шатает?

Крыть было нечем. Если боль из тела почти ушла, то сил пока еще точно не прибавилось.

– Вот потому и не веди себя как кисейная барышня, не вороти нос, а ешь все, что дают. Если Евдокия не увидит пустую тарелку, обида будет смертная. Стряпуха она отменная, но вот характер имеет прескверный. Или не вкусно? – Старик зыркнул на него из-под густых бровей. – На каторге, чай, тоже не разносолами кормили.

После этих слов за столом повисла тягостная тишина, в которой было отчетливо слышно, как бьется о стекло жирная муха.

– Что вы собираетесь предпринять, Аким Петрович? – Федор трусом себя никогда не считал и сейчас пасовать не собирался. Правде нужно смотреть прямо в глаза. К этому он себя давно уже приучил.

– Ишь как заговорил. – Старик отложил ложку, подался к Федору. – Вижу, каторжанин ты не из простых. – Это был не вопрос, а утверждение. – Политический?

Что этот мужик, всю жизнь свою проживший на диком острове в диком краю, мог знать о политике?! Федор вскинулся было, но тут же сам себя осадил, вспомнил совсем не крестьянское обустройство дома и содержимое книжного шкафа. Пора бы уже привыкнуть, что жизнь часто совсем не такая, какой видится на первый взгляд.

– Политический, – сказал он коротко.

– Кого убил? – спросил Аким Петрович совершенно будничным тоном, но взгляд его оставался цепким.

– Никого, – сказал Федор. – Я дурак, а не убийца.

– Дурак, – старик согласно кивнул. – Дурак, коль позволил себя поймать. Но дурак везучий, коль сумел сбежать. Долго по лесу бегал? – спросил он тут же, без перехода.

– Не знаю. Сбился дни считать.

– Немудрено. Когда Айви тебя из озера выловила, на человека ты был похож мало.

Айви снова бросила на деда укоризненный взгляд, а на Федора посмотрела виновато. Он улыбнулся ей ободряюще и сказал:

– Спасибо, Айви. Я перед вами в неоплатном долгу.

В Нижнем мире они были на «ты», но сейчас Федор испытывал неловкость, словно присутствовал на светском рауте, а не на обеде в обычной деревенской избе. Ну, пусть не совсем обычной...

Она кивнула в ответ, принимая его неуклюжую благодарность, в серебряных глазах застыла растерянность.

– Так и есть, – сказал Аким Петрович очень серьезно. – Если бы не она, лежать бы тебе сейчас на озерном дне. Там много таких, как ты. Видел небось?

Этому человеку не было смысла врать, он, кажется, все видел и знал наперед.

– Видел, – подтвердил Федор, и от его слов Айви вздрогнула. – И ласточку видел. – Он поймал ее взгляд, добавил: – Чудесную ласточку.

Ей понравились его слова, она даже улыбнулась в ответ. И невидимая граница, которую она между ними провела, стала чуть менее незыблемой, а у Федора появилась надежда.

– Лирика! – Аким Петрович хлопнул ладонью по столу. – А мы сейчас говорим о деле, о том, как нам с тобой поступить. Представься по всей форме, коль уж такие дела.

Не хотелось по форме, имя свое он опорочил и замарал, но Аким Петрович ждал, и по всему было видно, особым терпением его бог не одарил.

– Граф Федор Алексеевич Шумилин. – Слова приходилось вырывать из горла силой, напрягать память, чтобы вспомнить, кем же он был раньше, в прошлой жизни.

– Граф, значит. – Аким Петрович, казалось, несколько не удивился. И Айви тоже не удивилась, словно озеро каждый день выбрасывало на их берег титулованных особ, пусть даже и беглых каторжников. А может, и выбрасывало? От этого озера можно ожидать чего угодно. – А теперь запомни, Федор Алексеевич, отныне ты не граф Шумилин, а Федька Леднев, племянник Евдокии.

Точно услышав свое имя, в комнату вошла женщина, скрестила жилистые руки на груди, уставилась в пустоту перед собой.

– Принимай племянничка, Евдокия Тихоновна, – сказал старик.

Стряпуха – или кем она была в этом странном доме? – молча кивнула. Вот такая ему досталась неразговорчивая тетушка.

– Образование имеется? – Аким Петрович смотрел на гостя со снисходительной усмешкой. – Или с титулом это без надобности?

– Петербургский институт гражданских инженеров, – сообщил Федор с гордостью. Ему вдруг стало важно, чтобы этот зловредный старик увидел в нем не просто сбежавшего каторжника, а образованного человека.

– Это хорошо, инженеры всегда нужны, особенно в наших краях. Евдокия, сможешь пристроить его на завод к Кутасову?

Евдокия снова кивнула.

– Документы, – решился напомнить Федор.

– Документы – это самое простое, это мы выправим. Ты вот мне скажи, раньше ты бороду носил?

– Носил. – Борода Федору была нужна для солидности, с бородой он сам себе казался старше и интереснее для барышень. Как же давно это было! Каким же глупым он был!

– Значит, теперь будешь бриться. И еще, следы от кандалов должны пройти полностью. Народец у нас бывалый, беглого враз разгадает. Найдется и тот, кто донесет. Ну-ка, руки покажи, Федор Леднев!

Федор вытянул перед собой руки – незнакомые, исхудавшие, со следами от браслетов.

Аким Петрович покачал головой, не то задумчиво, не то неодобрительно, а потом сказал:

– Две недели, а то и больше. Шкура новая нарастет – это дело наживное. Откормить тебя надо, больно ты тощий для парня из городских. Одежду мы тебе подходящую справим.

– У меня есть, – заговорила вдруг молчавшая все это время Евдокия. – От Степочки осталась.

На Федора она смотрела по-прежнему отчужденно, но, когда упомянула неведомого Степочку, голос ее смягчился.

– Хорошо. – Аким Петрович кивнул. – Значит, одной заботой меньше. Ты, Евдокия, пока в городе слушок пусти, что племянник из Перми собирается приехать, чтобы людишки потом не шибко удивлялись.

– Сделаю. – Женщина еще ниже надвинула платок и снова вышла из комнаты.

– Значит, вот так. – Аким Петрович отодвинул от себя пустую тарелку. – Поживешь пока на острове, наберешься сил, а там Евдокия тебя у себя в городе поселит.

– Здесь город поблизости? – спросил Федор.

– Не город, а так... городишко по столичным меркам. Вся жизнь крутится вокруг Кутасовского металлургического завода. Есть еще старатели – людишки темные, себе на уме. Эти большей частью на приисках, в городе появляются, только чтобы золотишко сдать да напиться. Остальные попроще – промышляют охотой, ведут хозяйство, по сравнению со старателями почти безобидные.

– Почти?

– Видел, какие тут места? Рохле здесь не выжить. Вот и приспособливаются люди кто как может. Давай, Федор Леднев, лучше о тебе поговорим. Разлеживаться я тебе больше не позволю, за постой будешь платить работой. Помощник мне лишним не будет, а то с бабами всех дел не переделаешь.

Он выразался очень странно, этот необычный старик – то как образованный человек, то как дикий мужик. И первое, и второе у него получалось очень хорошо. Вот и думай, кто же он на самом деле.

– Жить будешь на сеновале. Ночи пока стоят теплые, не замерзнешь. А замерзнешь, так Айви тебе принесет одеяло.

Айви едва заметно кивнула.

– Есть станешь с нами. За столом всем места хватит. Только следующий раз, уж будь так любезен, приведи себя в должный вид.

От чувства собственной ущербности, от ужасной неловкости кровь прилила к лицу и ушам. Федор почти физически почувствовал, как они наливаются багрянцем. Действительно, к столу он вышел не во фраке, а в той одежде, что нашлась у хозяев. Но это было полбеда. Когда он мылся-то в последний раз? И мылся ли вообще? Собственные руки с шершавой кожей и черной каймой под ногтями казались ему безобразными. А как выглядит лицо, он и подумать боялся. Видимо, каторга и побег вытравили из него остатки человеческого достоинства, если он позволил себе такое чудовищное небрежение.

– Прошу прощения. – Он встал из-за стола, наверное, излишне порывисто, потому что табурет едва не упал. – Мне нужно выйти...

За дверь он не вышел, а выскочил, едва не сбив с ног Евдокию, и побежал куда глаза глядят. Хотелось на край света, но добежать получилось только до края острова. Вода в озере была того удивительного серебряного оттенка, которого Федор раньше никогда не видел в естественной природе. И от этого сходство с зеркалом усиливалось многократно.

К кромке воды Федор подошел без опаски, даже всплывающие в памяти картинки не пугали. А стыд жег огнем, и от этого жара нужно было избавиться как можно скорее. Как и от въевшейся в кожу застарелой грязи.

Федор сбросил одежду, вошел в озеро. Вода в нем была прохладной, Федор вспомнил ее ночные ласки, и по позвоночнику пробежала дрожь. Нет, он не был трусом, но тело запомнило, как умирало, запомнило, что послужило тому причиной. Тело задыхалось и рвалось обратно на берег, но Федор себя заставил. Если не вытравить страх сейчас, как грязь, потом уже точно не получится. И он, набрав полные легкие воздуха, с головой ушел под воду. Удивительно чистую, кристально-прозрачную, до самого дна прошитую солнечными лучами. Достигнув каменистого дна, он вдруг успокоился, страх исчез, уступая место усталости. Захотелось лечь прямо здесь, на дне, и закрыть глаза. И Федор почти послушался, почти поддался, лишь в самый последний момент, когда воздуха уже не осталось, оттолкнулся ногами, взмыл вверх к небу и солнцу. И в этот момент ему показалось, что кто-то невидимый схватил его за ноги. Наверное, показалось. Но больше Федор не нырял, здравый смысл взял верх над едва слышимым зовом, вытолкнул его на берег. Уже на берегу он долго тер кожу

мелким озерным песком, стирая с себя и грязь, и остатки болезни. За этим занятием его и застал Аким Петрович. Хорошо еще, что он, а не Айви.

- Сегодня истопим баню, - сказал он, опускаясь на камень и вгоняя посох глубоко в землю.

Федор ничего не ответил, прямо на мокрое тело натянул штаны и рубаху.

- У воды тебе нужно быть особенно осторожным. Сейчас зов слабый, почти неразличимый, но в полнолуние он усиливается.

- Вы тоже его слышите? - Любопытство пересилило неловкость.

- Его все слышат. И люди, и даже звери. В полную луну местные к озеру близко не подходят. Звери тоже обходят стороной. На озере даже птицы не гнездятся. Но сейчас зов ослаб. Я думаю, надолго. Если нам повезет, то на несколько лет.

- После того, что сделала Айви? - Федор сел рядом со стариком.

- Да, - тот кивнул. - Ее серебро еще слишком слабое. Если бы года через два, было бы лучше. И ей, и ему.

- О чем вы?

- О серебре. - Старик глядел на ровную озерную гладь. - В этих краях много золота. Серебро тоже есть, но его меньше, и найти его труднее. Жилы уходят глубоко. Говорят, самая большая жила под озером, поэтому и вода в нем такая необычная. Раны ею хорошо лечить. Девки местные на молодую луну в озере любят купаться.

- Зачем?

- Говорят, полезно для красоты. - Аким Петрович усмехнулся в усы.

- Ночью купаются? Не боятся?

– Днем. И только на молодую луну. На молодике зова вообще не слышно, да и женщины к нему не так чувствительны. Но все равно бывает, что тонут. Не из-за Стража, а по глупости. Каждый год почти.

– Кто он такой? – спросил Федор, не особо рассчитывая на ответ.

Аким Петрович не ответил, словно и не услышал вопрос.

– А серебро? Какая связь Айви с серебряной жилой? И есть ли вообще связь?

– Много вопросов задаешь. – Старик встал, выдернул из земли посох. – Тебе сейчас об одном молиться нужно, чтобы жила тебя не пометила. Захочешь уйти, уходи сейчас и больше никогда не возвращайся. Может, еще и получится.

Куда он уйдет? Где его ждут?..

– А останешься, прикипишь. Стражейой Камень станет твоим домом. Не скажу, что будет он ласковым, но уж какой есть. Не выбираем мы себе судьбу, Федор. Она нас выбирает. Кандалы у тебя будут серебряные, хоть и невидимые.

Сказал и пошел прочь от озера, как водится, не оборачиваясь. А Федор подумал, что так и не спросил, зачем Желтоглазому Айви. Наверное, хорошо, что не спросил. Старик бы все равно не ответил. Может, придет время, Федор и сам поймет.

Несмотря на твердую решимость отплатить за гостеприимство, после купания в озере Федор снова почувствовал слабость. Сил едва хватило, чтобы добрести до сарая и упасть в колкое, сладко пахнущее сено.

\* \* \*

Этот сон был самым обыкновенным, человеческим, только, наверное, глубже. Когда Федор открыл глаза, солнце уже садилось, свет сквозь щели пробивался не желтый, а розовый. В воздухе вкусно пахло дымом. Федор вышел во двор и ощутил запоздалые угрызения совести. Никудышный из него получился помощник, Аким Петрович все сделал сам: и воды наносил, и баню растопил. Из дома вышла Евдокия, в руках она держала стопку чистой одежды. Успела

съездить в город, пока он спал?

- Держи, - она сунула одежду Федору, - на первое время хватит, а там еще привезу.

- Спасибо. - Он не знал, как обращаться к этой строгой, с виду неприступной женщине. Просто по имени было как-то неловко.

Евдокия не ответила, никак не отреагировала на его благодарность, лишь кивнула в сторону приземистой избушки, из трубы которой валил дым:

- Ты последний остался. Иди мойся.

Какое же это счастье - горячая вода и пышущий жаром дубовый веник. Все эти радости остались в прошлой жизни, а теперь вот вернулись. Аким Петрович вошел без стука, забрал веник, кивнул на полочку, велел:

- Ложись.

Оказалось, Федор ровным счетом ничего не знал об удовольствии. Его измученное тело оживало под хлесткими ударами веника, пропитывалось смолистым духом, замирало от восторга, когда от воды шипели докрасна раскаленные камни, окутывали все густым, почти невыносимо горячим паром.

А в предбаннике его ждали глиняный кувшин, полный холодного квасу, чистая одежда, зеркало и опасная бритва. Федор пил жадно, за один присест осушил кувшин почти наполовину, и, только утолив жажду, осмелился заглянуть в зеркало.

Из зеркала на него смотрел чужак - постаревший, заматеревший, с незнакомым стальным блеском серых глаз. Сколько месяцев он не видел собственное отражение? Много. И русые волосы успели отрасти, а борода так и вовсе начала завиваться кольцами, как у деревенского мужика.

Он брился долго и старательно, с удивлением наблюдая за тем, как снова меняется отражение в зеркале, как косматый мужик превращается в молодого парня с тонким, похожим на ласточкин хвост шрамом на правой щеке. Федор

улыбнулся. Старик ошибся, не серебряная жила его пометила, а Айви черкнула по щеке острым ласточкиным крылом.

Аким Петрович вошел в предбанник, когда Федор уже закончил бриться, оглядел гостя критическим взглядом, кивнул:

- На Евдокию ты, конечно, нисколько не похож, но кто вообще видел ее племянника?

- А кто такой Степочка? - спросил Федор, заправляя чуть великоватую рубашу в штаны.

- Сын.

- Одежда почти новая, почему он сам ее не носит? Растолстел?

- Умер, - ответил Аким Петрович таким тоном, что задавать вопросы вмиг расхотелось. - И Евдокию о сыне не спрашивай. Захочет - сама расскажет. Пойдем ужинать, стол уже накрыт.

Стол накрыли в главной комнате, которую Федор про себя назвал каминной. Наверное, это был добрый знак, подтверждение тому, что гостя пусть и не признали своим, но приняли.

Айви стояла у окна, теребила кончик косы. Платье на ней было не то, что днем. Федору показалось, что гораздо наряднее, с затейливой вышивкой на рукавах и по подолу. На Федора она смотрела удивленно, словно видела впервые. А впрочем, вот такого, похожего на нормального человека, так и точно в первый раз. Интересно, ей понравилось то, что она увидела? По серебряным глазам было не понять, а потом Айви и вовсе отвернулась к окну, лишь едва заметно кивнула в знак приветствия.

- Евдокия ушла? - Аким Петрович привычно занял место во главе стола.

Айви снова кивнула.

– Вот ведь упрямая баба! Говорил же, незачем мотаться по лесу на ночь глядя, предлагал остаться. А вы чего стоите? Снова не голодны? Садитесь, ужин стынет.

Айви шагнула к столу, и Федор запоздало вспомнил о правилах хорошего тона, придвинул ей стул.

– Ишь, какие церемонии, – хмыкнул Аким Петрович, берясь за вилку. – Ты смотри не переборщи с церемониями. Тут народ простой, вот такие выкрутасы не любит.

– А что любит? – спросил Федор, пытаясь скрыть смущение.

– А что любит, про то в обществе порядочных барышень не говорят.

Теперь уже хмыкнула Айви, посмотрела на деда с вызовом, а потом, едва улыбнувшись, придвинула к Федору блюдо с запеченной курицей.

– Попробуй. Айви хорошо готовит. Не хуже Евдокии, если по острову не бегает и не занимается всякой ерундой.

На «ерунду» Айви, кажется, нисколько не обиделась и на Федора она теперь смотрела смело, взгляда не отводила, только вот в разговоре не участвовала. Да и не было особого разговора, все самое важное Аким Петрович сказал днем.

Федору было хорошо. Так хорошо в последний раз ему было в родительском доме. Вот только злоупотреблять гостеприимством не стоит. Поэтому из-за стола он вставал хоть и с неохотой, но решительно, и когда во взгляде Айви заметил разочарование, почувствовал себя самым счастливым человеком на земле. А потом подумал, что, возможно, они еще встретятся во сне, и сердце забилось быстро-быстро.

О чем подумал Аким Петрович, Федор не знал, но выражение лица его из расслабленного, почти благостного, сделалось настороженным, и на внуку он посмотрел с тревогой. Хорошо хоть ничего не сказал.

Снаружи уже сгустились сумерки, но луна еще не взошла, потому до сеновала идти приходилось осторожно, доверяя скорее памяти, чем зрению. На сено он упал с разбегу, застонал от боли в боку, перекатился на спину и закрыл глаза.

Вот только сон все никак не шел. Зато потянуло к озеру. Нет, зов был едва различим, как назойливый писк комара, просто захотелось пройтись. Небо к этому времени расцвело звездами. Света от них хватало, чтобы различать путь и не расшибиться о камни.

Озеро было тихим, вода привычно отливала серебром, а остров казался черной громадиной. С берега он выглядел не таким большим, каким был на самом деле. Теперь Федор знал это наверняка. Знание это вселилось в него с озерной водой, просочилось из Нижнего мира. На память пришел сундук, полный золота. Федор запомнил то место, как запомнил и рельеф дна. Интересно, существует ли сундук на самом деле?

Вода тихо плескалась о прибрежные камни, шептала что-то непонятное. Зов усилился, но душу наизнанку не выворачивал, зудел себе и зудел. Поэтому в озеро Федор вошел без страха, как был, в одежде. И пошел вперед, вглядываясь в отражение убывающей луны. На рогах луны ему теперь виделись желтые огни, и это было красиво, как золотые монетки. Если достать их со дна, получатся сережки для Айви. Носит ли Айви сережки? Конечно, ей бы больше подошло серебро, но золото тоже красиво. Вот они – огоньки, совсем близко, только руку протянуть. Или нырнуть.

Федор бы и нырнул, да вот только мешал поднявшийся вдруг ветер. Ветер тянул за рубаху, хватал за руки, не пускал. Федор отмахнулся, не оборачиваясь. Что ему ветер, когда впереди такая красота! И ветер стих, угомонился. А потом в затылке вдруг стало очень больно, и золотые огни померкли...

Федор пришел в себя на берегу. Он лежал на земле в насквозь мокрой одежде, и голова раскалывалась от боли. Федор застонал, потрогал затылок, поднес к глазам окрашенную кровью руку. В свете луны кровь казалась черной. Он попытался сесть и услышал тихий всхлип.

Айви стояла перед ним на коленях, в мокром, прилипшем к телу платье, с мокрым от слез лицом.

– Айви! – От радости он и думать забыл о боли. Или боль и в самом деле прошла? – Айви, что ты здесь делаешь? – Без грозного Акима Петровича он и думать забыл об этикете и правилах хорошего тона. – С тобой все в порядке? – Ведь тот, кто напал на него, мог напасть и на Айви тоже.

Она замотала головой, стерла со щек слезы, осторожно пощупала его затылок и вздохнула с облегчением.

– Все хорошо. – Федор поймал ее руку, поцеловал в раскрытую ладонь. – Но нам лучше вернуться в дом. Здесь кто-то был, на меня напали. Пойдем, Айви!

Он попытался поставить ее на ноги, но она протестующе замотала головой, взяла с земли камень, а потом ткнула себя пальцем в грудь. В обтянутую мокрой тканью грудь... И Федор враз позабыл обо всем на свете: и о нападении, и о правилах приличия. Стоял, смотрел и ровным счетом ничего не понимал из того, что она пыталась ему объяснить. Айви злило его непонимание, серебряные глаза ее теперь светились не от слез, а от досады. Она снова взяла в руку камень, замахнулась им на Федора, отшвырнула в сторону, опять указала пальцем на себя, а потом сложила ладошки в молитвенном жесте, словно просила у него прощения.

– Айви, это ты меня ударила? – Он не верил своим глазам, не хотел верить.

Она кивнула и по-детски шмыгнула носом.

– А... зачем? – Федор все еще ничего не понимал, не верил, что Айви могла намеренно причинить ему боль. – Ты нечаянно, да?

Это было глупо, но лучше глупость, чем то, что она пыталась ему сказать.

Айви мотнула головой, сердито притопнула ногой, а потом вдруг вытянула перед собой руки, закатила глаза и дерганой сомнамбулической походкой направилась к озеру. У самой кромки воды она обернулась и указала пальцем уже на Федора. В этот момент он все понял и все вспомнил. Зов оказался куда коварнее, чем он думал. И куда сильнее. Если бы не Айви, еще одним мертвецом на озерном дне стало бы больше.

- Ты пыталась меня остановить?

Она кивнула, улыбнулась виновато.

- Ты была ветром.

Ответом ему стало растерянное пожатие плечами, Айви стремительно шагнула к Федору, вложила в ладонь круглый серебряный слиток. В этот же миг тонкий комариный писк исчез совсем, а в голове окончательно прояснилось. Серебро заставило Нижний мир замолчать. Надолго ли?

- Спасибо.

Что еще можно сказать человеку, который снова спас твою шкуру? Нет, сказать можно многое, вот только слов нет. А рука так и тянется, чтобы погладить Айви по голове, потрогать белую косу. Обнять бы... Но это уже непозволительная вольность. Главное, взгляд не опускать, смотреть только в серебряные глаза и никуда больше. От греха подальше...

Айви улыбнулась, прижалась щекой к Федоровой груди и тут же отпрянула. Все равно она оказалась смелее и решительнее его. Маленькая бесстрашная ласточка.

- А тебе не нужно? - Федор вдруг испугался, что без серебряного слитка теперь уже Айви будет слышать зов.

Она покачала головой, постучала пальчиком по его лбу.

- Только мне?

Ответом ему стал кивок.

- А твоему деду? Он тоже слышит?

Она снова кивнула.

- Но он умеет защищаться?

Айви улыбнулась.

- И я теперь смогу с этим? - Федор разжал ладонь, посмотрел на слиток. На мгновение ему показалось, что он держит маленькую серебряную змейку. Или не показалось? Захотелось спросить, где Айви ее взяла, но Федор не стал, понял, что объяснить у нее не получится. Если только во сне. А еще он понял, что замерз, и Айви тоже наверняка замерзла. Нужно возвращаться.

Федор довел Айви до крыльца, шепотом пожелал спокойной ночи и, дождавшись кивка в ответ, направился к сараю. Он успел снять мокрую одежду и упасть в сено, когда в дверь тихонько постучались.

- Войдите! - В сено пришлось зарываться по самую шею, но что же делать, если нет сменной одежды?

В сарай прошмыгнула Айви, положила рядом с Федором стеганое одеяло, прихватила мокрые штаны и рубашку и исчезла, словно ее и не было. Одеяло пришлось как нельзя кстати, несмотря на то, что ночь выдалась теплая, после купания в озере Федор продрог до костей. Он думал, что не заснет до самого утра, но, завернувшись в одеяло с головой, уснул почти мгновенно.

\* \* \*

Айви уже ждала его в Нижнем мире, сидела в привычной позе на облюбованном еще в прошлый раз камне. Мертвецы возились с истлевшими сетями, некоторые особо прыткие пытались взять на бордаж лежащий на боку небольшой корабль. Федор не мог вспомнить, видел ли корабль раньше. Да и зачем вспоминать, когда рядом Айви?

- Ты пришла. - Он тоже присел на камень.

- Пришла. - Айви глянула на него искоса. - Мне здесь проще все объяснить. Здесь я нормальная. - Она горько улыбнулась.

– Ты везде нормальная. – Федор взял ее руку в свою. – Ты нормальнее всех нормальных. И красивая...

– Спасибо. Дед говорит, что нужно слушать не слова, а свое сердце. – Ее пальчики подрагивали в его ладони. – Слова – это всего лишь пена на воде. Но мне так хочется тебе верить.

– Мне можно верить. И мои слова не пена. Ты очень необычная и очень красивая.

– Тебе есть с кем сравнивать? – В голосе Айви ему послышалась ревность, и от этого удивительного открытия захотелось обнять весь мир. Или саму Айви.

– Да, мне есть с кем сравнивать. И ты самая лучшая из всех.

Вероятно, он нашел правильные слова, потому что Айви улыбнулась, обвела взглядом озерное дно и сказала:

– Здесь очень мрачно. Я знаю, где лучше. Показать?

– Покажи.

Она не двинулась с места, лишь покрепче сжала руку Федора, и на долю секунды у него закружилась голова. Когда же дурнота прошла, они оказались то ли в гроте, то ли в подземной пещере, в центре которой находилась наполненная водой каменная чаша. В гроте царил мягкий полумрак, лишь откуда-то сверху лился слабый лунный свет.

– Красиво? – спросила Айви, опуская руку в воду.

– Красиво, – согласился Федор. – Озеро на дне озера.

– И оно очень глубокое.

– Это место существует на самом деле?

– Не знаю, я его просто увидела, и все. Скажи, ты ведь больше его не слышишь? – спросила она без всякого перехода.

– С твоим подарком нет, а ты?

– Для меня это не так опасно. Я попрошу дедушку, он сделает тебе браслет. Дедушка умеет обращаться с донным серебром. Только носить его придется не снимая, до тех пор... – Айви замолчала. – До тех пор, пока ты не захочешь уехать.

– Я не захочу, – сказал Федор решительно, и она, кажется, вздохнула с облегчением. Ему хотелось думать, что с облегчением. – А у твоего деда тоже есть такое? – Он разжал ладонь. В Нижнем мире серебряный слиток снова превратился в свернувшуюся кольцом змейку.

– Есть. Ему подарила бабушка. Очень давно. Со временем противиться зову становится легче, но все равно серебро очень помогает. Особенно на первых порах. Мне следовало дать тебе его раньше, тогда не пришлось бы...

Федор потрогал затылок, следов от удара не осталось.

– Я пыталась тебя удержать, но ты очень сильный. А когда он зовет, человек ничего не слышит, его сложно остановить. Тебе не очень больно?

– Мне вообще не больно.

– Это пока ты здесь. Наверху чувства вернутся. Иногда мне кажется, что здесь лучше, чем там.

Она сказала это с такой обреченностью, что Федор испугался.

– Здесь не может быть лучше, чем там, Айви. Это ненастоящая жизнь.

– Для меня настоящая. – Она вдруг подалась вперед и поцеловала Федора в губы. Поцелуй был скорее целомудренный, чем страстный, но в этот самый момент он понял – здесь тоже все по-настоящему.

А она уже отпрянула, перебежала на другой берег пещерного озера и наблюдала за Федором уже оттуда, с безопасного расстояния. Для кого из них безопасного?

- Это просто чтобы ты понял. - В ее голосе слышалась злость.

- Я понял, Айви. Ты настоящая и тут, и там.

- А какая я нравлюсь тебе больше?

- Обе, - сказал он, не задумываясь, и она улыбнулась.

- Мне нужно уходить, - сказала, помолчав. - Мне нельзя оставаться здесь слишком долго.

- Почему?

- Потому что я настоящая и тут, и там. Когда ты здесь, на самом деле ты спишь, а я не отдыхаю. Без сна тяжело. И дедушка начинает ругаться. Он не любит, когда я ухожу в Нижний мир, говорит, что мне еще слишком рано.

- Айви, сколько тебе лет? - спросил Федор.

- Восемнадцать. Я уже взрослая! - Она с вызовом вздернула подбородок. Наверное, ей часто говорили, что она еще маленькая. - Я просто слишком рано его услышала. Он позвал, и я спустилась сюда.

- Как это было? Ты боялась?

Ведь наверняка боялась, если даже ему, взрослому мужчине, здесь не по себе, а она была еще ребенком.

- Я не помню. Я видела его два раза, но совсем ничего не помню. Так обидно.

Ей было обидно, что она не помнит встречи с чудовищем, а ему хотелось все забыть.

- В последний раз он дал мне подарок.

- Этот? - Федор посмотрел на змейку на своей ладони.

- Она красивая, правда? Жалко, что в Верхнем мире она выглядит иначе. Хочешь, я попрошу дедушку, чтобы он выгравировал змейку на твоём браслете? С внутренней стороны, чтобы никто не видел.

Федор не хотел, но все равно кивнул. Из рук Айви он был готов принять любой подарок, даже булыжник, которым она огрела его по голове. А она обрадовалась, вся засветилась ровным серебряным светом.

- Я пойду, - сказала с легким сожалением в голосе и исчезла, взмыв вверх ласточкой.

\* \* \*

Федора разбудили странные ухающие звуки. Он сел и поморщился от боли в голове. Могло быть и хуже. Если бы Айви не рассчитала силу удара или и вовсе не пошла за гостем к озеру.

Его одежда, высушенная и аккуратно сложенная, находилась рядом. Сколько же этой ночью Айви спала? И спала ли вообще?

Одевался Федор быстро, в кармане штанов нащупал серебряный слиток. Никакого сходства с уже виденной змейкой. Даже отдаленного. Вот такие чудеса.

Снаружи было по-утреннему свежо. Рассветный туман уже уполз обратно к озеру, и воздух казался кристально-прозрачным. В этой прозрачности звуки разносились очень далеко, даже тихие. Во дворе Аким Петрович, голый по пояс, колот дрова. Колот легко, казалось, не прикладывая никаких усилий. Под загорелой, выдубленной солнцем кожей перекачивались совсем не стариковские мышцы. В сравнении с ним Федор выглядел настоящим дохляком. И это было обидно. Захотелось продемонстрировать молодецкую удаль, вот так же, играючи, переколоть все дрова. Но здравый смысл нашептывал, что сейчас он и есть дохляк, что с Акимом Петровичем ему не тягаться.

- Горазд ты спать. - Старик с силой вогнал топор в колоду и обернулся.

- Доброе утро, - поздоровался Федор.

- По тебе не особо видно, что доброе. - Аким Петрович оглядел его с подозрением, а потом сказал: - Ладно, иди умывайся, Айви уже на стол накрыла. Только сначала отдай мне слиток, тот, что она тебе подарила. - Он протянул руку, и на жилистом запястье старика Федор увидел браслет, состоящий из двух потемневших от времени серебряных пластин.

Как от кандалов, мелькнула в голове мысль, и кожа на руках зачесалась.

- Что смотришь? Не шибко красиво? - спросил старик.

- Нет, просто воспоминания не слишком приятные. Как он снимается? - Федор кивнул на браслет.

- Никак. Замка нет. Если только расклепать, а потом по новой склепать. Но снимать я тебе его, парень, не советую. Пока ты здесь, так безопаснее, а без замка есть надежда, что не потеряешь. Потянуло тебя вчера в озеро, да?

- От Айви узнали?

- Да. Это мой недосмотр. Подумал, что он сдволился, не учел, что ты в нынешнем своем состоянии для него легкая добыча. Что ж не воспользоваться... Голова сильно болит? У Айви рука крепкая. - Старик хитро усмехнулся.

- Все хорошо. - Федор не удержался, потрогал затылок. - Жить буду.

- Жить будешь, в этом я не сомневаюсь. Ты, по всему видать, живучий. Ну так что, отдашь мне слиток?

Федор кивнул, достал из кармана подарок Айви.

- В Нижнем мире он на что похож?

- На змейку.

- На змейку, значит. Он не оригинален, за столько лет мог бы что-нибудь поинтереснее придумать.

Старик говорил, но Федор его почти не слышал. Зато он снова услышал зов, отдаленный, но явственно ощутимый.

- Зовет? - Аким Петрович нахмурился.

- Зовет. - Он кивнул.

- Постараюсь сделать все быстро, но мыться иди к колодцу. К озеру не суйся.

Вода в колодце была такой холодной, что сводило скулы, но Федор не просто умылся, но еще и окатил себя этой невыносимо ледяной водой. Холод вышиб из тела дух и на время заглушил зов. Федор подставил лицо робкому утреннему солнцу, улыбнулся. Он стоял, закинув лицо к небу, когда его руки коснулись.

Айви стояла у колодца с льняным полотенцем в руках.

- Доброе утро, Айви.

Она кивнула в ответ, протянула полотенце.

- Спасибо. Ты хоть немного поспала?

К еще одному кивку добавилась улыбка.

- И за одежду спасибо.

Айви, не переставая улыбаться, потянула его за собой, к дому.

На сей раз завтракали вдвоем. Евдокия еще не приплыла на остров, а Аким Петрович занимался какими-то неотложными делами. На столе рядом с собой Айви положила листок бумаги и карандаш. Федор расценил это как

приглашение к беседе. И они поговорили. У Айви был очень красивый почерк. Каждую букву она выводила старательно, прежде чем протянуть Федору листок, внимательно перечитывала написанное. Пока он читал, подкладывала ему на тарелку добавки, а на все протесты отвечала решительным взмахом руки. Приходилось есть. Из-за стола Федор выбрался в состоянии сытой расслабленности. Снова хотелось спать, но он помог Айви прибрать и вымыть посуду, сходил к колодцу за водой, попробовал было поколоть дрова, но быстро понял, что надолго его не хватит. Сил все еще было слишком мало.

А озеро тянуло. Каждое мгновение в голове Федора слышался его шепот. И чем дальше он был от Айви, тем громче становился этот шепот. И колодезная вода больше не помогала, мысли крутились только о том, что на озере хорошо и безопасно. Это уже был не комариный писк, это был рев потревоженного медведя. Никто не устоял бы перед таким напором. Федор тоже не устоял...

Старик заступил ему дорогу в тот самый момент, когда Федор вступил на ведущую к озеру тропу, разговаривать не стал, лишь глянул мрачно и врезал так, что из глаз посыпались искры. Федор пробовал сопротивляться, но силы оказались неравны. Обратно к дому его тащили едва ли не волоком, как барана на закланье и, дотащив, посадили на цепь, самую настоящую собачью цепь! При виде ржавых, но еще очень крепких звеньев в душе поднялась черная волна бешенства. Федор вспомнил кандалы. Он больше не позволит!

Сил, которых раньше не хватало, чтобы просто удержать топор, вдруг стало очень много. Их бы, наверное, хватило даже на то, чтобы разорвать цепь. Да что там цепь! Он хотел разорвать на мелкие куски старика. Разорвать, а потом сбросить в озеро, утолить вечный голод Желтоглазого. Возможно, Федор так и поступил бы, если бы не Айви. К нему, беснующемуся, ничего вокруг себя не видящему, она шагнула без страха, обняла, прижалась всем своим гибким телом, заглянула в глаза. И ярость улеглась, отползла прочь, в озеро. Серебра, которое было в Айви, хватило, чтобы усмирить проснувшегося в нем зверя и приглушить зов. Федор осторожно погладил ее по волосам, а потом обнял, обхватил руками так, словно только в ней одной заключалось его спасение. А может, так оно и было...

Они стояли, обнявшись, глядя друг другу в глаза, кажется, целую вечность. Федору казалось, что ничего лучшего в его жизни не было и не будет.

– Отпусти ее. – Хриплый требовательный голос заставил его отвести взгляд от Айви. Старик стоял совсем рядом, и взгляд его был темен. – Отпусти Айви и протяни мне руку.

Отпусти... Как же можно отпустить, когда в ней и жизнь его, и разум! Айви ободряюще улыбнулась, разжала объятия, но за руку держала очень крепко. За него боялась или за деда?

А старик тем временем защелкнул на левом запястье гостя браслет: две серебряные дуги без затей.

– Пойдем в мастерскую, skleпая. – На висках его выступили капельки пота, а глаза из черных сделались цвета расплавленного свинца. Айви тем временем расстегнула цепь, легонько подтолкнула Федора к бревенчатой постройке с навесом. Федор шел послушно, браслет дарил такой же покой, как и объятия Айви. Он чувствовал бы себя счастливым, если бы не угрызения совести.

Остальная часть работы заняла не много времени. Браслет сидел на запястье плотно, он был таким же простым, как у Акима Петровича. Серебряная лента без затей и узоров. Но какая же в нем ощущалась сила! Ее хватало, чтобы держать в узде беспокойную Федорову суть.

– Вот теперь все, – сказал Аким Петрович, выпуская из цепких пальцев его руку. – Надо было раньше, но кто ж думал, что ты такой... – Он не договорил, махнул рукой. – Теперь станет легче. В полную луну зов ты все равно будешь слышать, но губительных желаний у тебя больше не возникнет. До тех пор, пока на тебе этот браслет. Если вдруг надоеет цацка, уезжай от Стражевого Камня как можно дальше и только потом снимай. Помнишь себя? Помнишь, каким был? Как с цепи рвался, точно волкодав?

Федор кивнул. Сердце в груди билось с бешеной силой, и, казалось, только в нем сила и осталась. Руки дрожали, ноги подкашивались. Чтобы не упасть, Федор опустился на землю, прижался спиной к столбу, поддерживающему навес. Айви тут же присела перед ним на корточки, с тревогой заглянула в глаза.

– Со мной все хорошо, – соврал он, прислушиваясь к тому, как ухает в висках кровь.

– Что – дурно? – спросил Аким Петрович. – Не бойся, Айви, сейчас немного посидит и оклемается. Теперь силы к нему быстро вернуться. Слышишь меня, парень? Я думал, тебя все это обойдет стороной. Зов слышат многие, но не многие становятся такими.

– Какими? – Федору было интересно, каким он стал, во что превратился.

– Меченым. Ты теперь меченый.

– Как вы?

– Как я. В утешение могу сказать, что здоровье отныне у тебя будет бычье, сил хватит на троих, а все остальное... – он немного помолчал, – это уже как богу угодно.

– Богу или Желтоглазому?

– А это, Федор, зависит от того, в кого ты станешь верить. Я лишь от одного хочу тебя предостеречь. Не вини себя и не позволяй злобе взять верх. Ты не сам себе такую судьбу выбрал, она тебя выбрала.

Он не злился. Как можно злиться на то, чего не понимаешь! А силы и в самом деле возвращались очень быстро. Давно Федор не чувствовал себя таким живым. И голодным.

– Есть хочешь? – спросил Аким Петрович.

– Есть хоть что-нибудь, чего бы вы про меня не знали?

– Многого не знаю, но времени у нас с тобой теперь достаточно. Еще познакомимся. Айви, там с завтрака еще что-нибудь осталось?

Айви бросила быстрый взгляд на Федора, кивнула и побежала к дому.

Федор разом съел все, что на стол было выставлено. Косился виновато на Айви, но остановиться никак не мог. Даже когда он блуждал по лесу, кажется, не испытывал такого звериного голода. Любопытно, это навсегда?

– Несколько дней будешь только о брюхе своем ненасытном думать, – усмехнулся Аким Петрович, – а потом все утрясется, станешь почти нормальным.

– Почти? – Федор перестал жевать, поглядел с опаской.

– Рога и хвост у тебя не вырастут, на этот счет можешь не волноваться. Но что-то в тебе точно изменится, может, сразу, а может, спустя годы. Слишком много времени ты провел на дне, с ним.

– С Желтоглазым?

– Да. Даром такое не проходит, след все равно остается. И не спрашивай какой. Это уже время покажет. Пока ешь, а потом, если сил хватит, пойдешь со мной, остров тебе покажу. Что ж без толку бока отлеживать?

Федор кивнул, сунул в рот последний кусок хлеба, смел на ладонь рассыпанные на столе крошки, тоже проглотил.

– Я готов, – сказал решительно.

– Ну, раз готов, тогда пойдём. – Аким Петрович встал из-за стола, велел Айви: – А ты дождись Евдокию, ей твоя помощь понадобится, еды теперь придется готовить на десятерых.

– Я все отработаю. – Федору вдруг стало очень неловко.

– Отработаешь, можешь не сомневаться. Без платы он никого не отпускает. – Аким Петрович хотел еще что-то сказать, но в последний момент передумал.

Снаружи уже пекло солнце, раскаляло и землю, и воздух. Захотелось пить. Наестся про запас не получилось, может, хоть напиться удастся.

Старик ждал его у колодца, как знал, куда гость направится. А ведь мог и знать. Чему ж тут удивляться?

- Пей. - Он кивнул на стоящее на лавке полное ведро. - Температура тела у тебя теперь другая, выше, чем у обычных людей. Привыкнешь, просто первое время придется много пить. Вот этой колодезной воды.

- Колодец на этом острове тоже особенный?

- На этом острове все особенное: и колодцы, и люди. Пей!

Федор и выпил. Кажется, сразу четверть ведра, а остальное вылил себе на голову. Про жар старик не обманул, был жар.

- Теперь пойдем. Остров большой, а нам с тобой нужно до обеда управиться.

- Почему?

- Чтобы ты меня не загрыз с голодухи.

- Зря вы так, Аким Петрович, - Федору вдруг стало обидно. - Я ведь все-таки человек, а не волколак, с голодом как-нибудь справлюсь.

- А ты, парень, про себя все знаешь? В душу свою заглянул? До самого донца нырнул?

До самого донца он точно нырнул. Вот только то ли это было донце? Поэтому Федор отвечать не стал, лишь молча пожал плечами. А старику и не нужны были ответы, он уже шагнул прочь от колодца, и Федору не осталось ничего другого, как пойти следом.

Большая часть острова оказалась покрыта лесом. Высокие сосны выглядели такими же древними, как и черные валуны, которых на острове было великое множество. Аким Петрович не обманул: чтобы обойти остров, им понадобилось много времени. Он оказался еще больше, чем виделся с берега и со дна Нижнего мира. На нем с легкостью разместилась бы большая деревня, и еще хватило бы места на пашню и пастбище. Если, конечно, кому-нибудь вздумалось бы распахивать эти неприветливые каменистые склоны. Берега у острова были обрывистые и неприступные. Причалить, не опасаясь разбиться о камни, получалось лишь с той стороны, там, где стоял дом. В одном месте гигантский

плоский валун нависал прямо над водой, и от открывающегося с него вида захватывало дух. Впрочем, к восторгу примешивалась изрядная доля страха. Слишком много ветра, слишком много неба над головой, слишком много темной воды под ногами.

Аким Петрович стоял на валуне без страха, опершись обеими руками на посох. Ветер трепал его седые волосы, а взгляд сделался задумчиво-мечтательным, и Федору на мгновение почудилось, что перед ним не старик, а молодой парень, такой, как он сам. Наваждение прошло, как только Аким Петрович обернулся. Теперь во взгляде черных глаз поблескивала насмешка.

– Боишься?

Он боялся, но из мальчишеского упрямства мотнул головой и даже сделал шаг к краю.

– Вот и правильно. Тот, кому суждено быть повешенным, не утонет.

– Умеее вы ободрить. – Налетевший порыв ветра едва не сбил Федора с ног, и он отступил, не рискнув бросить вызов озеру.

– Я не сказал, что тебя повесят, парень. – Старик усмехнулся. – Я говорю, что тонуть тебе больше не доведется. Даже если мертвецки пьяным упадешь в воду, озеро тебя не примет, вынесет на берег. Живым.

– Откуда вам знать?

Прежде чем ответить, старик смерил гостя внимательным, с прищуром, взглядом.

– Я падал, – сказал он наконец. – И трезвый, и пьяный, и в шторм. Таким, как мы, все едино.

– Зачем? – Была в словах старика какая-то особенная горечь, веяло от них обреченностью. – Зачем падать?

– Для последнего шага у каждого своя причина. Не нужно тебе знать. Да и давно это было. Глупость и мальчишество. Айви очень любит сюда приходить.

Вот сейчас Федору стало страшно по-настоящему, до январской поземки по позвоночнику. Стоило только представить Айви на валуне, и сердце трусливо замирало.

– Она была еще очень маленькой, когда он позвал. – Аким Петрович на Федора не смотрел, думал о чем-то своем. – Десять лет, совсем ребенок. А он позвал... – На смуглой руке вздулись вены, и браслет впился в кожу. – Вот на этот самый валун. Я не успел. Искал на острове, не подумал, что она может быть здесь. А когда прибежал, оказалось уже поздно. Она прямо на моих глазах прыгнула в воду. – Он замолчал, в бессилии разжал кулак. – Я тоже прыгнул. Нырял, искал. Не нашел... А через день волны вынесли ее на берег. Живую, но онемевшую. Она ничего не помнит из того, что с ней случилось, где она была, и я хочу верить, что так оно и есть. Потому что не может у маленькой девочки ни с того ни с сего появиться седина.

Аким Петрович говорил, а Федор слушал и понимал его боль. То же самое он чувствовал, когда увидел Айви, не выходящую, а выползающую из норы Желтоглазого. Это были боль и бессилие, помноженное на ощущение собственного ничтожества. У маленькой ласточки хватило сил войти в пещеру, а у него – нет.

– Она одна у меня осталась. – Теперь старик смотрел Федору прямо в глаза. – И за нее я загрызу любого, в клочья порву, если узнаю... – Он замолчал и отвернулся.

– Я тоже, – сказал Федор ему в спину, и спина эта дрогнула, прямые плечи ссутулились, словно от неподъемной ноши.

– Не стоит давать невыполнимых обещаний, – сказал Аким Петрович, не оборачиваясь. – Молодость многое прощает, но коль дал слово...

– Я своему слову хозяин. И слово «честь» для меня не пустой звук.

– Кровь дворянская заговорила? – Аким Петрович медленно спускался вниз по каменистому склону. Федор шагал следом. Что было ответить на этот похожий

на оскорбление вопрос? – Забудь, парень! Здесь, – он вогнал посох глубоко в землю, – ценится кровь красная, а не голубая. Отныне ты и не дворянин, и не каторжник. Ты Федор Леднев. Нет у тебя отныне прошлого.

– А будущее? – спросил он.

– А до будущего еще попробуй доживи. Все, возвращаемся! Остров я тебе показал, самое важное рассказал. Остальное потерпит.

\* \* \*

Запах готовящейся еды Федор учуял, кажется, за целую версту. И как только учуял, думать мог только об одном. Аким Петрович и тут оказался прав. Пока они осматривали остров, явилась Евдокия. Она стояла на крыльце, скрестив на груди тощие руки, и настороженно наблюдала за их приближением. Из дома вышла Айви с кувшином в руках, заулыбалась радостно, протянула кувшин сначала деду, потом Федору. Сделав первый глоток, он понял, как сильно хочет пить. Почти так же сильно, как есть.

Он осушил кувшин до дна, вернул Айви, стер со лба пот. Снова захотелось опрокинуть на себя ведро воды, но каково будет мокрым садиться за стол? Евдокия и без того косится неодобрительно.

– Вчера заходила Лещиниха, – сказала она Аким Петровичу. – Я все сделала, как вы велели, рассказала про племянника. У Лещинихи язык без костей, сегодня весь город будет знать.

– Хорошо, – похвалил Аким Петрович. – Зайди к Прохору, скажи, что я его звал. Пусть приплывет завтра вечером.

– Забоится. – Евдокия с сомнением покачала головой. – В городе говорят, озеро снова беспокойное.

– Не забоится. Скажи, я хорошо заплачу. За монету Прохор и в Нижний мир спустится.

Аким Петрович отставил посох, протянул к Евдокии сложенные ковшиком руки, и она плеснула в них воды из стоящего тут же ведра.

- Еще какие новости? - спросил он, не переставая умываться.

- Артельщики вернулись. Молчат и не пьют.

- Раз молчат и не пьют, значит, нашли золото. Злотников их вот здесь держит. - Аким Петрович сжал кулак. - А про него, - он кивнул на Федора, - ничего не слышать?

- Не ищут. - Евдокия на Федора даже не смотрела.

- Это хорошо, что не ищут. - Аким Петрович принял из рук Евдокии полотенце, отошел в сторону, уступая место Федору. Вот только помогать ему Евдокия не собиралась. Да и бог с ней! Он, чай, не безрукий, как-нибудь и сам справится.

Федор уже потянулся за ковшиком, но его опередила Айви, зачерпнула из ведра, посмотрела с усмешкой, а потом плеснула воды прямо в лицо. От неожиданности Федор вздрогнул, оступился и едва не свалился на землю. А она звонко рассмеялась, не обращая внимания на неодобрительно поджатые губы Евдокии. И Федор тоже засмеялся, стер с лица холодные брызги, стряхнул воду с рубахи.

- Как дети малые, - сказал Аким Петрович ворчливо. - Айви, мы так и до вечера за стол не сядем. И ты не лыбься, - он ткнул Федора пальцем в грудь, - мойся быстрее и ступай в дом.

Обедали вчетвером. Даже Евдокия, накрыв на стол, уселась напротив хозяина. Ела она мало, даже меньше Айви. Неудивительно, что такая худая. А вот Федор на еду накинулся, как оголодавший зверь. Сам себе был противен, но и поделаться с собой ничего не мог. Голод заставил забыть о правилах хорошего тона. Евдокия поглядывала на него неодобрительно, как на дикаря, но стоило только его тарелке опустеть, споро накладывала новую порцию. До тех пор, пока он не съел все, что было на столе.

– Может, блинов испечь? – спросила Евдокия, глядя не на Федора, а на Акима Петровича.

– Хватит, а то еще чего доброго окочурится от заворота кишок.

Они говорили о нем, как о неразумном щенке, но Федору не было обидно. А вот есть все равно хотелось. Лучше бы и за стол не садился, право слово! Айви смотрела на него с жалостью и пониманием, но деду не перечила. Тоже боялась, что у Федора случится заворот кишок?

После обеда женщины принялись убирать со стола, старик ушел в главную комнату, но гостя с собой не пригласил, а навязывать свое общество Федор не собирался, поэтому вышел во двор, где и было его место. Вот только валяться на сене не хотелось, душа и тело требовали действий, и Федор выдернул торчащий из колоды топор. Выдернул легко, одной рукой, и сам удивился бродившей в жилах силе.

Он рубил дрова с удовольствием, прислушивался к давно забытым ощущениям в теле, ни о чем не думал, ни на кого не оглядывался. А когда наконец остановился, увидел Айви. Она сидела прямо на земле в своей излюбленной позе, подтянув коленки к подбородку, и на Федора смотрела не отрываясь. Любовалась? Хорошо бы. Вот только нечем любоваться. От былой удали остались только кожа да кости.

Поймав его взгляд, Айви вдруг сорвалась с места, и Федор окончательно уверился в своей неказистости. Эх, не нужно было снимать рубаху! Перетерпел бы жару как-нибудь.

Но терзался Федор недолго. Айви вернулась с ведром воды. Он так ошалел от радости, что даже не сразу сообразил, что ей нужно помочь. А когда наконец сообразил, было уже поздно – Айви поставила ведро на землю, протянула Федору ковшик, полный воды. Как же своевременно!

Он пил жадно, так же жадно, как до этого ел и работал. А она стояла и смотрела, и во взгляде ее было что-то такое, от чего сердце сладко замирало. Остатки воды он вылил себе на голову, зарычал от удовольствия. Брызги долетели до Айви, и она засмеялась.

Как же Федору нравился ее смех! Ему нравилось почти все, что сейчас происходило в его жизни. И даже Нижний мир больше не пугал. Серебряный браслет сиял так же ярко, как взгляд Айви, обещал защиту от всех невзгод и напастей.

Оказалось, не ото всех. Евдокия стояла на крыльце и следила за ними настороженным взглядом, а потом велела:

– Айви, иди в дом, мне нужна твоя помощь. Быстро!

Хорошо понукать тем, кто не может тебе ответить. Федор уже хотел было вступить, но Айви успокаивающе положила ладошку ему на руку, а потом подхватила пустое ведро и побежала к дому. Федор смотрел, как мелькают ее босые пятки, и улыбался. Определенно, его новая жизнь складывалась как нельзя лучше.

\* \* \*

Он полностью восстановился за неделю. Теперь заживало на нем все очень быстро. Как на собаке, сказала однажды Евдокия, и было непонятно, похвалила она или отругала. По ее каменному лицу вообще немного можно было понять. Даже с Акимом Петровичем общаться оказалось не в пример проще. За своего старик его не принял и в дом по-прежнему не приглашал, но хотя бы разговаривал и от помощи не отказывался. Работы на острове было много: и в мастерской, и на небольшом лугу, где Федору в первый раз в жизни довелось взять в руки косу, чтобы накосить сена для бодливой козы. Козу Федор не любил и даже немного побаивался. Уж больно непредсказуемой она была. Совсем как Евдокия.

Один раз Аким Петрович взял гостя на рыбалку. Сидя в лодке, Федор старался не думать, что там, на дне. Кто там... Зова он больше не слышал и даже уже начал сомневаться, что причиной тому браслет. Да и к самому браслету он долго присматривался, никак не мог привыкнуть. Медальон казался ему куда как предпочтительнее и незаметнее. Он бы не так бросался в глаза, не выглядел бы недостойной настоящего мужчины побрякушкой. Когда Федор высказал свои сомнения, старик посмотрел на него с жалостью, а потом сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Речь об убийстве народовольцами Александра II 13 марта 1881 года.

----

Купить: <https://tellnovel.com/tatyana-korsakova/devushka-s-serebryanoy-krov-yu>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)